

Героями рождаются

РАССКАЗЫ

16+

ЯКОВЛЕВ ЮРИЙ СЕМЁНОВИЧ

Юрий Семёнович Яковлев

Героями рождаются.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63482876

SelfPub; 2023

Аннотация

В этих рассказах темы подняты очень волнующие каждого, но без утверждений, споров, дискуссий, точек зрения, аргументов и эмоций. И даже без назидательности. Просто написана правда, как она есть, да так, что тут даже возражать не получится – просто смешно будет. "Написано очень хорошо с точки зрения литературы, заходит само, забываешь, что читаешь" (из отзыва читателя). Фото на обложке и в книге – из личного архива автора.

Содержание

Героями рождаются	5
Вот так встреча	8
Лебединая песня	19
О чём я начал вспоминать в пять часов утра	29
Трудно не сказать лишнего	33
Про любовь и поэзию	38
Двадцать восьмое мая	43
ЗАС – засекречивающая аппаратура связи	47
Эх, рано встает охрана	52
Смелость и страх	57
Карпаты, Карпаты	66
Бессонница	76
Город Находка	79
Девушка с обложки	85
Изгнание духа	92
Клад	96
На воре шапка не горит	101
Любляна	104
О чём песня?	110
Рыбки	115
Почём одесские пирожки	117
Тигры появляются ночью	120
Принцип падающего мела	122

Путешествие из города Находки в город Чоп	126
Чоп	133
Нам «врали» про капитализм семьдесят лет	138
Мой взгляд на причины распада СССР	145
Поединок с кротом	153
Как реанимировать банан	157
Аромат	159
Водный аттракцион	161
О связи	164

Юрий Яковлев

Героями рождаются.

Сборник рассказов

Героями рождаются

Это я был спортсменом. А он не был. Он не прыгал с парашютом. Он не делал сальто и рондат с фляком. Он не акробат. Он не снимался в кино в роли Рэмбо. Он директор фирмы. Он просто Пётр Юрьевич. Хороший специалист. Успел поработать в порту ещё при Союзе. Это потом туда волнами прибывало всяких начальников, не разбирающихся, но жаждущих денег. Эти странные волны шли с суши, с Киева, а не с моря.

Я отклонился от темы. Это было ещё до празднования миллениума, в прошлом веке. А при чём тут спорт и Рэмбо? Я хочу сказать, что мы не знаем своих возможностей в экстремальных условиях. Как они на нас подействуют? Загрёшь ли ты, как хамелеон, приняв окраску окружающей среды, побежишь ли, как заяц, или будешь атаковать, как делает ёж, пытаясь уколоть противника? Это всё записано в генетическом коде, и вслух не прочитаешь.

Встречаемся мы с Петром Юрьевичем. Вижу, он немного

возбуждён.

– Что случилось? – спрашиваю его.

– Не могу успокоиться со вчерашнего дня. Эта собака, такая противная, волосатая, вернее, лохматая и вонючая. Псиной пахнет.

– Зачем же нюхать такую собаку? – удивился я.

– Я её не собирался нюхать. Так получилось.

– Это интересно, расскажи подробней.

– Ты же знаешь, моей дочке четыре года. Прелестная девочка. Она гуляла с мамой во дворе, когда я подъехал на машине. Я ездил в магазин. Несу в руках два полиэтиленовых пакета с продуктами. Дочка увидела меня. Закричала: «Папа приехал!» – и побежала мне навстречу. Весёлая такая, красивая, в голубеньком платице. Когда до меня ей оставалось метра четыре, я заметил, что огромный чёрный пёс со злым рычанием бежит к дочке. Жена закричала от ужаса. Казалось, ещё мгновение, и пёс укусит девочку. Но его путь проходил мимо меня. Ему не повезло. Я не знаю, что со мной случилось. Наверное, я озверел. Неведомая сила оторвала меня от земли, я полетел ласточкой на собаку и точно вцепился зубами в её загривок. Руки так и оставались заняты пакетами, свободны были только зубы или клюв, если уж лететь ласточкой. Я от себя такого не ожидал! А как собака не ожидала! Она взвизгнула и стала удирать. Потянула меня за собой, вместе с моими покупками! Я её отпустил, но не сразу, а когда стал соображать. Невкусная такая соба-

ка попалась! Очень мохнатая. И воняет псиной. Когда я разжал зубы, она быстро убежала. Одна шерсть у меня во рту осталась. Даже не знаю, есть ли у собаки хозяин. А то бы и ему досталось. Судя по вкусу и запаху собаки, хозяина нет. Вряд ли бы я его покусал, но пакетом по голове треснул бы обязательно. А так – я только зубы чистил да плевался весь вечер. Под удивлёнными и благодарными взглядами жены и дочери.

– Так становятся героями? – предположил я.

– Да, эта неведомая сила бросает людей на амбразуру, – согласился мой товарищ.

– Это героизм? – спросил я.

– Нет, это программа выживания, вложенная в нас. Или любовь к ближнему.

– Теперь понятно, почему ты не бросил в собаку пакетами: их придумали позже и в программу не вложили.

– Может быть это так, или я просто озверел. Определённо, озверел. Можно не сомневаться, моментально озверел. И немножко рычал.

– Главное, что озверение уже прошло, – улыбнулся я.

– В жизни всё проходит, и это прошло.

2020 г.

Вот так встреча

Мы встретились с ней взглядом. Она не отвела глаза. Бывает, когда она не отводит глаза, в них можно увидеть бездну, вечность, где время остановилось. Она – наша кошка, в преклонном кошачьем возрасте. Вот она запрыгнула на колени, потом на клавиатуру компьютера. Потопталась по клавишам, хитро заглянула мне в глаза, спрятала улыбку в усы и спрыгнула на мои колени.

А на экране появилась моя фотография, армейская, где мне девятнадцать лет. Вот кошка дает! Но, удивительное дело, фотография двигается, смотрит на меня через экран с удивлением.

– Вы кто? – спрашивает меня моё изображение.

Я потерял дар речи от удивления. Какой-то похожий на меня юноша пытается меня, опытного дяденьку, разыграть. Достали где-то в интернете моё фото, одели человека в пограничную форму, загримировали шутника под фотографию.

– Вы похожи на моего родственника, – сказала моё изображение. – Глаза как у мамы. И на фотографию бабушки тоже. И откуда мне явились, как во сне? Задремал что ли? Я тут сижу с книгами, готовлюсь к поступлению в институт. Все кино смотрят. А мне начальник клуба капитан Саушкин дал ключ от библиотеки.

Нет, этого разыгрывающие не могли знать! Произошёл какой-то прорыв во времени? Сорок восемь лет. Любопытно будет пообщаться.

– Нет, я не родственник. Похоже, что я – это ты в далёком будущем.

– Разве так бывает?

– Нет, так не бывает. Это подарок от кошки.

– Кошка может только мышь принести в подарок. Или крысу. А наш кот ходил через балкон в гости к соседям и принес канарейку. В подарок.

– Да, я помню тот скандал.

– У меня много вопросов к будущему. Давайте пообщаемся. Мы будем на «ты» или на «Вы»?

– Давай на «ты», мы же, можно считать, близкие родственники. Зови меня Семёнычем, как на работе меня зовут, а я тебя – Юрой.

– Ты меня плохо помнишь, а я тебя совсем не знаю.

– Да, Юра, биологи говорят, что каждые семь лет все клетки организма меняются. Так что ты поменялся семь раз, чтобы стать мной. Спрашивай, что бы ты хотел узнать?

– Я поступлю в Высшую школу КГБ?

– Да поступишь. Прошое не изменить. Только будущее.

– Вопрос спорный. Для кого прошое, а для кого и нет. Будущее можно и своими руками создавать. Вот мы переписываемся с Ирой из Новгорода, и я на ней, вероятно, женюсь после армии и учебы. Я предвижу будущее.

– Нет, Юра, на ней не женишься.

– А на ком из девочек?

– Ты её пока не знаешь. Через пять лет познакомитесь.

– Пять лет я не буду встречаться с девушками?

– Будешь в Москве встречаться с девушкой, но тоже не женишься.

– Если ты помнишь, Семёныч, я всегда хотел, чтобы рядом была не только любимая красивая девушка, но и надёжный друг, с которым можно пойти в разведку. И это должен быть один человек, в её лице. И чтобы любила.

– Да, это всё у тебя будет. Тебе повезёт. И любимая, и в разведку, и в охрану, и в огород.

– В какой ещё огород? Я спортсмен, а не огородник.

– О, у вас будет много огородов. В Казахстане, в Одессе, в Бессарабии, в России. Где будете жить – там будет огород. И много цветов.

– И дети у нас будут или только цветы?

– Да, дочка и внучка будут.

– Красивые и умные?

– Конечно. С голубыми глазами, как у нас. И спортом будут заниматься.

– Дочка будет заниматься гимнастикой или акробатикой?

– Она вырастет смелой. Добьётся высших результатов в парашютном спорте.

– А ты старый и уже не можешь делать сальто и переворот вперёд? А мне кажется, что я это всегда смогу делать. Какой

у тебя там год?

– Две тысячи двадцатый.

– Две тысячи двадцатый! Это просто немыслимо! И я доживу? У вас там трамвай на Луну не ходит?

– Нет, всё так же в Аркадию и Черноморку. И по Преображенской – «Троечка».

– Это раньше, до революции, она была Преображенская. А теперь Советской армии.

– Нет. Она опять Преображенская.

– Я надеюсь, сама Советская армия никуда не делась?

– Не хотелось тебя расстраивать, но нет Советской армии.

– Мы проиграли в ядерной войне? Или в химической, бактериологической?

– Ближе всего, пожалуй, бактериологическая. В мозг людям, особенно руководству, проникла бактерия наживы и предательства. Как тебе это объяснить? Ну вот, ты хотел бы что-то купить, совсем иностранное, иметь такое, чего у тебя нет?

– Да, например, кроссовки, как у парня, мастера по лёгкой атлетике, ему моряки привезли. «Пума» называются. Но я бегаю кроссы в кедах за четыре рубля. Как и все друзья. Ради кроссовок я не хочу разрушать страну. Надеюсь, у вас теперь сплошная «Пума», и никто в кедах не бегаёт?

– Даже на сцену выходят. Модно. Например, представляющие поп-культуру.

– Как смешно! У вас культура поп? Вы деградируете, не

развиваетесь в культуре?

– Можно сказать и так. Да я не очень разбираюсь в этом направлении. Они поют популярные песенки низкого качества, а чтобы зрители не заметили явной серости и убогости – крутят попами. За это им платят деньги. Здесь теперь всё диктуют законы рынка.

– Какого рынка: «Привоза», «Староконного» или «Нового рынка»? Там что, воровские законы? Рыночные карманники в законе?

– Нет, теперь такие воруи разрешены, что карманникам и не снилось. Вся страна – рынок.

– А как же партия, все государственные органы, как это всё позволил народ?

– Народ развращали медленно. Теперь кто имеет деньги, занимается шопингом. Остальные смотрят глупые фильмы по телевизору. Производство, например, «Бабблгам продакшн».

– Почему всё по-английски? Мы же с тобой английскую спецшколу заканчивали. Можем перевести. Люди занимаются магазином и смотрят фильмы производства «Жвачки, которую можно надувать в пузырь». Чувствую, вас там всех надувают в пузырь.

– Не всех. Многие увлечены делом, наукой, техникой. Есть журналисты и политики, которые пытаются отстаивать правду и справедливость. Но их голос заглушают потребители. Молодым внушили, что вы там очень плохо жили. В

очередях за колбасой.

– Наша мама считает, что колбаса – продукт не для еды. Лучше купить на рынке кусочек мяса или рыбы.

– Да, но теперь это никому не докажешь. Авторитетные руководители говорят, что в твоё время производили только калоши.

– Калоши? Как смешно. Запустили «калошу» на Луну. Взять настоящую калошу и настучать по задам вашим лидерам, чтоб не ввали.

– Вы можете взять у него интервью сами на соревнованиях. Это соперник Вити Глазунова в весе шестьдесят два килограмма в команде Ленинграда.

– Да, это интересно. Я думаю, вы несчастные люди.

– Почему? Мы любим друг друга с женой, дочка у нас славная. И внучка. Мы ездим путешествовать. В этом наше счастье.

– Разве может быть полностью счастлив человек, если рядом люди страдают от неравенства и несправедливости?

– Наше общество приучили к неравенству, равнодушию к чужому горю. Специальными телепередачами о том, что слабое звено надо безжалостно уничтожать. Фильмами о свободной конкуренции. Сначала иностранными, потом и нашими.

– У вас что там, Российская империя и царь во главе?

– Нет. Хуже. Всего не расскажешь. Теперь граница между Украиной и Россией.

– Не надо обманывать. Тысячу лет не было этой границы и не будет. Может, скажешь ещё, что там вооружённые пограничники стоят?

– Да. И до такого дошли.

– С чего же это всё началось, Семёныч? Мы рассказываем анекдоты про Брежнева, но мы готовы защищать свою страну от врагов. Да, политинформация у нас низкого качества, вроде как у нас всё хорошо, а в капиталистических странах плохо. А уехавшие евреи пишут, что там столько сортов кофе в магазине, что выбрать не могут.

– Потом поймёшь на своем опыте, что вам, точнее, нам на политинформации правду говорили про капитализм. Иногда нудно, бездоказательно, но правду. А кофе бывает только двух сортов: «Арабика» и «Робуста». Всё остальное – их смесь, реклама и добавки. В вашем случае лучше употреблять в зернах или молотый.

– Мы после тренировки предпочитаем сок яблочный или виноградный, по двенадцать копеек стакан.

– Да, я помню, даже спорили на стакан сока.

– Что-то не очень хочется в ваше «светлое» будущее. Есть те, кому нравится ваша новая жизнь?

– Да, богатые обормоты, бездельники. Не знают, куда деть себя и свои деньги. И не сознают, что без цели в жизни они бесполезны в обществе и несчастны. Человеку свойственно убедительно оправдывать свою жизнь и поступки. Есть те, кто убедил себя, что сейчас им лучше. Они свободны. Ездят

в Турцию на отдых. Вот при прежней системе они ходили бы в одной калоше, а на вторую денег бы не хватило. А большинство просто работают, зарабатывают на жизнь. Им некогда подумать на эти темы и нет вариантов разбогатеть.

– А бездельников не судят за тунеядство?

– Нет такой статьи. Отменили родители тунеядцев.

– У меня такое впечатление, что кто-то бросает по пятнадцать копеек в междугородный телефон-автомат, и мы поэтому говорим. Пока у него не кончились монеты, хочу спросить: я выиграю первенство Одесской области по самбо через неделю? Это для меня сейчас главное.

– Не помню. По-моему, выиграешь. А может, и нет. То, что нам кажется важным, со временем теряет значимость. Вот, во время учёбы будешь волноваться перед экзаменами, как будто это вопрос жизни и смерти. А потом забудешь и названия предметов, по которым сдавал экзамены.

– Ты, Семёныч, не расстраивайся. Всё будет у вас, или у нас, хорошо. Люди у нас замечательные. У нас же самая читающая страна. Самая грамотная. Вон сколько книг в библиотеке. Они не дадут оскотиниться народу.

– Спасибо, Юра. Ты меня успокоил. Я не буду продолжать про самый читающий народ. И объяснять тебе, что такое гаджеты.

– «Гады» понимаю. А дальше – нет. Это болезни? Инопланетяне? Они вредят знаниям? Не пускают в библиотеку?

– Да, вместо капитальных глубоких знаний дают поверх-

ностный справочный материал. Часто ложный, особенно в сфере истории и обществоведения.

– Посоветуй что-нибудь мне, пока не оборвалась связь. Чтобы я не менял судьбу, а только чуть подправил.

– Не пей спирт с салом на пятом курсе после зимних каникул. Испортишь желудок, будешь долго мучиться с гастритом. И ты ещё очень ответственно подходишь к соревнованиям, сбрасываешь вес и волнуешься. Это плохо для здоровья. Купи молодой жене спортивную обувь для походов в горы. А то пойдёте на зимнее восхождение на небольшую горку в Казахстане, и она испортит свои красивые югославские сапожки. И в снежки с ней поосторожнее играй – попадёшь в глаз.

– Это я понимаю. Генетическая память. Наши предки, отец и дед, в Сибири пушнину добывали, как говорили, «белку в глаз били». И во время войны лучшими стрелками были. А у тебя с белками как-то не сложилось. Совсем без белок. Вот и получилась незадача, – посмеялся Юра.

– Да, я уже при игре в снежки стал бросать их просто вверх. Так она посмотрела, куда они полетели. И опять попал. Не смейся, я продолжу свои предупреждения. За дочкой следите в парке, где качели. Это очень опасный аттракцион. В четыре года объясните ей, что кушать ягодки во дворе с кустов нельзя: их обработали ядом против гусениц, а в тринадцать лет её фраза: «Крутые горки – для крутых велосипедистов» закончится гипсом на ноге. Будешь ездить по грани-

це – возьми шерстяные носки. Машина сломается – замёрзнешь. И постарайся не ехать вдоль границы в пургу: проваляешься в старую силосную яму. Не садись в борт номер 16, в вертолет в Афганистане. Я не сел и правильно сделал. Не вкладывай деньги (да, у тебя появятся деньги) в недвижимость на Украине: после политических беспорядков всё подешевеет в несколько раз. Остальное ты всё равно не сможешь исправить. Нельзя продлить жизнь, изменить судьбу наших родителей.

– А что с моими друзьями: Виталькой художником, Шуриком, Валерой Гладковым, Коцюбой, Кротовым, Глазуновым?

– Это всё естественно. Из них остались только Коля Коцюба да Валера. Виталька сказал перед смертью, что вовремя смыться – это большое искусство. Он умер в шестьдесят три года.

– Как же ты живёшь без них? Ты сам боишься смерти?

– Ко всему привыкаешь. А от друзей юности отдаляешься, как и от самой молодости. Конечно, боюсь смерти близких. А своей – нет. Как говорили у нас в Афганистане, я и смерть – несовместимые понятия. Пока есть я – нет смерти. А когда есть смерть – нет меня. Пожалуй, боюсь продолжительной болезни и страданий. Да и горя для всех близких по такому поводу.

– В каком ещё Афганистане? Ты два раза сказал про Афганистан. Что вы там делали?

– Да практически в никаком. Сам узнаешь.

– Кончился фильм, я сейчас пойду на ужин. Опять дадут кашу и скумбрию, которую готовят на пару, без специй, только соль и лавровый лист.

– Это нормальная, полезная пища. Не колбаса. Особенно рыба, приготовленная таким способом.

– Ты говоришь как моя мама. Ну, наша. Будем прощаться. Передать привет нашим общим друзьям и тренеру?

– Не надо, они не поверят. А раз я не помню этой встречи, значит, и ты сейчас всё это забудешь. Хоть бы мои предупреждения помнил. Тоже не сохранятся в памяти, раз уже всё случилось.

Экран погас. Осталось ощущение, что не сказал чего-то самого главного. Может, был шанс изменить к лучшему судьбу Родины? А мы просто поговорили.

Кошка продолжала мурлыкать на коленях. Даже голову не подняла.

2020 г.

Лебединая песня

Может быть, над Афганистаном лебеди пролетали. Но мы их не видели и не слышали. Речь не о птицах. Это про нас. Какими мы тогда были. Внизу протекала река Пяндж. Такая голубая и прозрачная зимой. Бурная, как штормовое море, и мутная летом. Когда высоко в горах таяли ледники. Они блестяли очень ярко, если смотреть с вертолётa. А тут ущелье, ледников не видно, только огромные горы. Чуть ниже, среди осыпи камней, в реку Пяндж впадает река Куф. И ущелье поэтому называется Куфабское. Бандитов там было много. И когда басмачам удавалось выходить из ущелья, они, словно для развлечения, обстреливали мирные автомобили, изредка появляющиеся на узкой дороге, вырубленной в скалах на советском берегу. Тогда движение по дороге перекрывалось, и начинались мероприятия по поиску и уничтожению банды.

Чтобы закрыть выход из ущелья, и расположился здесь заграничный объект пограничных войск «Убагн». Застава Московской десантно-штурмовой группы. Не подумайте, что там служили ребята из Москвы или что-то было связано со столицей. Посёлок был на советской стороне с названием Московский, где и находился пограничный отряд. Но это далеко, за горами, вертолётom надо лететь. А совсем близко, за речкой, вечнозелёным пятном виднелась советская застава «Рогак». Такое название напоминает горного рогатого козла.

А зелёное пятно – потому что рядом с заставой лимонная роща, всегда зелёная.

Объект «Убагн» попадал под обстрелы нечасто, совсем рядом советская территория, поэтому и внимание на него обращали в последнюю очередь. Все живы, службу несут, иногда обстреливают банды, пытающиеся выйти из ущелья. Тихо и спокойно.

В тот год зимой этой заставой в Афганистане командовал молодой капитан Валера Д. По делам службы я несколько раз прилетал к нему на вертолёт в ту зиму. Кровать для приезжих в землянке так и была заправлена мной. Никто из офицеров больше на заставу не приезжал. Валера обрадовался мне – хоть поговорить можно, в шиш-беш сыграть. Он один офицер на объекте. Заместителя забрали на учебный пункт. Готовить молодое пополнение бойцов. А прапорщик заболел желтухой, так и не вернулся. Валера жил интересами заставы, проверял несение службы, проводил учёбу, был и за замполита, и за командира, и за старшину по хозяйственным вопросам. Третий год уже пошёл его службы в Афганистане. Так бывало у тех, кто служил в Среднеазиатском пограничном округе. Как бы и не загранкомандировка. Просто речку перелетел на вертолёт. Кто-то из офицеров рассказал, что психологи определили: нельзя находиться в командировке на войне больше двух лет. Жёны не выдерживают большего срока напряженного ожидания и одиночества. Семьи распадаются. На самом деле это ложь. Наши погранич-

ные жёны самые терпеливые и надёжные.

Вертолёт не глушил двигатель, я выпрыгнул из него. Быстро выгрузили мешки с мукой, письма, посылки и ящики с боеприпасами. Второй вертолёт, как всегда, гудел над нами, прикрывая на случай обстрела. Вот наш вертолёт улетел, обдав нас горячим керосиновым выхлопом и пылью. Стало так тихо, что слышно было, как внизу шумит река.

– Привет, Валера, – пожал я руку улыбающемуся капитану. Он был в спортивной вязаной шапочке и с резиновым экспандером в руке.

– Пойдём физкультурой позанимаемся, – предложил он.

– Положу рюкзак, автомат и приду.

Валера был крепкий спортивный мужчина. Мы позанимались физзарядкой на площадке за землянкой. Там была скамейка, чтобы качать пресс, и труба с насаженными на неё двумя миномётными минами калибра 120 мм. Каждая мина весом 16 кг. Это была штанга. Такие спортивные снаряды имелись на каждой заставе в Афганистане.

Вернулись в штабную землянку.

– Что у вас нового с прошлого моего приезда? – поинтересовался я.

– Вчера банда шла по тропе, что поперёк большой горы. Мы её обстреляли из автоматического гранатомета АГС-17. Только эффективность этого оружия в каменистых горах невелика. Граната попадает между камней, и осколки большей частью уходят вверх. Только напугать можно басмачей.

Нам бы ЗУ-23 на объект! Обещали прислать.

– Да, обещают прислать. А помнишь, Валера, как летом мы приезжали сюда с офицером медицинской службы, спали с ним в одной землянке, а бандиты стрельнули по объекту. В ответ заработал АГС. Медик во сне услышал и подумал, что кто-то стучится в дверь. «Войдите!» – кричит. Я ему говорю: «Это АГС!» А он, не просыпаясь: «Всё равно кто, пусть войдёт!»

– АГС не войдёт. У него три ноги, и все не ходят, – улыбнулся Валера. – А ещё обещают, что пришлют офицера на временную замену и отпустят меня на побывку к семье в поселок Московский, где я не был уже полгода.

– Буду в оперативной группе, обязательно напомню об отшельнике в горах, – ответил я.

Солнце в ущелье всходило из-за одной высокой горы, показывалось между скал и быстро заходило за такую же огромную гору. И сразу становилось темно. Сырой зимний вечер, с тучами, выползающими из Куфабской щели.

Застучал генератор, дающий свет на пару часов. Пока все поужинают, подготовятся к нарядам на службу. И мы поужинали кашей с тушёнкой и чаем со сгущёнкой. Тушёнка надоедает очень быстро. Всегда хочется свежих продуктов. А сгущёнка не надоедливая. Её готовы есть все и всегда. Усилада нашего детства, войн, гор и походов.

Вот наряды ушли на службу, генератор отключили. Полная темнота и тишина.

Над столом у Валеры горела тусклая маленькая лампочка от аккумулятора. Мы с ним сидели и говорили о жизни, о войне.

– Представляешь, меня когда-то научили гадать на картах. Хочешь, тебе погадаю? – предложил капитан.

– Не верю я в эти гадания, – ответил я.

– Но ведь во что-то веришь? Все на войне во что-то верят. В Бога. В приметы. Если один раз повезло небритому – не бреешься перед выходом в горы. Вертолётчики перед вылетом боятся фотоаппарата как черт ладана.

– Никогда не видел, как чёрт боится ладана. Ладан видел, чёрта пока не довелось, – посмеялся я.

– Просто ты не допивался до чёртиков. Когда-нибудь увидишь.

– Не увижу, не пью до чёртиков, – упрямылся я.

– Напьёшься до чёртиков. Жизнь длинная и многообразная! – настаивал на своём Валера.

– Без чёртиков в жизни хватает чудес, – перевел я тему с нечестивых.

– Тогда давай, я опять себе погадаю. Тут у меня чертовщина какая-то получается. Моя жена, красавица блондинка. Бубновая дама. Я сам – пиковый король, хоть уже и масть мою трудно разобрать за светом лысины. Служба в суровых условиях среднеазиатских застав просветляет прическу. Здесь все становятся немного «бубновыми»: кто лысым, кто седым. Но, когда гадаю, рядом с бубновой дамой выпадает

бубновый король! А это не я! Сейчас погадаю. При тебе будет другой результат.

В полной тишине Валера раскладывал карты. На стенах землянки двигались причудливые тени от его рук. Как потусторонние силы под напряжённый шелест карт. Очень хотелось, чтобы бубновый король ушёл куда-нибудь в казённый дом или дальнюю дорогу, чтоб Валера не беспокоился. Но нет! Бубновый король нагло падает на бубновую даму!

– Ты плохо их перемешал, вот поэтому и результат одинаковый получается, – поспешил я выдвинуть свою версию. Взял колоду, тщательно перетасовал карты и вернул их принявшему капитану.

– Вот теперь карты правду скажут, – недоверчиво улыбнулся я.

Валера нервно и быстро раскладывал карты. Проклятый бубновый король настойчиво упал на бубновую даму! Мы оба молчали. Какие-то бесовские шутки выдает нам теория вероятности! Валера схватил колоду карт и бросил их в соседний ящик, висевший на стене в виде тумбочки или полки.

– Этого не может быть, – прервал он наступившую тишину. – Мы любим друг друга. У нас двое прекрасных детей. Мы вместе прошли много трудностей во время службы на забытых богом заставах Средней Азии. И никогда не было повода усомниться в её надёжности и любви.

– Вот ты и сам убедился, что нельзя верить во всю эту

чертовщину, приметы, гадания! – старался успокоить я товарища не очень уверенным голосом. – Просто ты давно не был на побывке в Союзе. Обязательно поедешь в ближайшее время.

– Пойдём, проверим несение службы и освежимся горным воздухом, –предложил он.

Мы вышли из землянки. Тишина. Совершенно свежий горный воздух. Чуть пахнет дровами, которыми топили печки. Теми дровами, что привозят вертолётыв! Самые дорогие дрова, если посчитать!

Пост над обрывом. Докладывает старший наряда, Ушаков. Славный парень. На беседе ещё на учебном пункте рассказывал, что он из неблагополучной семьи, отец и мать страдают алкоголизмом. А он твёрдо решил не стать таким, как они. Спиртного не употреблял, занялся спортом, успешно окончил техникум, готовился работать и учиться в институте. Его ждёт прекрасная невеста, письма пишет почти каждый день.

Нам бы погадать тогда и убереечь его от случайной пули, которая найдёт его сердце через два месяца!

На другом посту пулемётчик боец Саша Гизай. Улыбчивый спокойный парень. Ему судьба нагадала долгую жизнь, жену, детей, хорошую работу. И смерть в центре Луганска в 2014 году, когда украинский самолёт ракетами и снарядами атаковал мирное население.

Но это я знаю сейчас, когда пишу рассказ. Тогда это было

неизвестное будущее.

Через несколько дней Валера улетел домой, на побывку.

Встретились мы с ним уже ранней весной. Когда оживала природа. Вылезали из-под камней первые скорпионы. Вот уже и змеи должны проснуться, побегут быстрые фаланги – большие ядовитые пауки. Прилетят твари бестелесные – москиты. И настанет лето. Нестерпимая жара. И днём и ночью среди раскалённых камней ущелья.

Вечером, когда мы пили чай в землянке, Валера рассказал о своей поездке к жене и детям.

– Карты не врут, – вздохнул он.

– Насколько не врут? – осторожно спросил я.

– Совершенно не врут. Отчаянно не врут. Досконально не врут. Хоть бы соврали для приличия. Приехал домой, всё в порядке, в любви и уюте. Можно было бы и не вспоминать. Но предательская рука потянулась за картами. Бес попутал. Погадал при жене. Хуже некуда. Бубновый король тут как тут. Упал на неё, бесстыжий, прямо при нас. Жена перестала смеяться. Побледнела. И вдруг совершенно серьёзно сказала, что это правда. Что она всегда мечтала о высоком блондине. И он появился. Инженер-бурильщик. Приехал воду искать в безводных районах. И нашел её, бубновую красавицу. Любит больше жизни, клянется, на всё готов ради неё. Ей уже тридцать лет, и это её лебединая песня. Так и сказала. Лебединая песня. По-моему, лебедь только шипеть умеет и отвратно гоготать, как гусь.

– И ты всё это спокойно выслушал? – удивился я.

– Да, три года войны приучили ко всему. Не рвать на себе или на других волосы в любой ситуации. Я ей помог спокойно собрать вещи. Детей она взяла с собой и пошла к своему бубновому королю. С детьми мы решили разобраться попозже: им и так хватило впечатлений, они не понимали, что происходит.

– Король с радостью принял её в свое королевство? – поинтересовался я.

– Нет, король увидел делегацию, не захотел к себе пускать, кричал, что она своими детьми испортила его возвышенные любовные отношения, которые подразумевали остроту тайны. Бубновая королева переночевала у знакомой. А утром отправила детей ко мне с «челобитной». Упасть на колени и просить папу, чтобы он взял маму обратно. Что она очень любит папу и молит о прощении.

– А ты после её ухода не принял спиртного, согласно традиции и сложившейся обстановке?

– Представь себе, нет. Люблю выпить, когда праздник, всем хорошо и весело. А я молча сидел в отчаянии, в полудрёме, мечтал, чтобы это всё мне просто приснилось.

– Понятно, детей встретил в хорошей форме.

– Да, детей встретил, потом и бубновую королеву.

– И как ты теперь сможешь на всё закрывать глаза? Не вспоминать, не упрекать? – поинтересовался я.

– Я её люблю. И мне кажется, что она теперь ещё больше

меня любит. И дети у нас замечательные. Переживём. Будем считать, что виновата война. Разлука.

– Да, это правильно. Ты поступил как настоящий мужчина. Заканчивать тебе надо войну. Психологи правы: три года – это слишком много!

Мы вышли из землянки на свежий воздух. Большая луна взошла из-за скал, освещая огромные камни, и речку, светлеющую между ними, и тропу, идущую к кишлаку. И безветренный прохладный горный воздух. Мир и покой. Казалось, всё здесь вечно и неизменно. Кроме нас.

2022 год.

О чём я начал вспоминать в пять часов утра

Вот только начни вспоминать Афганистан. И уже не уснёшь. О чём я ещё не написал в своих рассказах? Может, что-то главное упустил?

Про капитана Григорьева. Офицера военной контрразведки, который погиб на Куфабе. Вся его маневренная группа пошла на прочёску ущелья. Это малоэффективное и опасное мероприятие в той местности. Бандиты скрываются в щелях, заложенных камнями, стреляют через маленькие отверстия. В горах эхо, по звуку их не найдёшь. Солнце яркое – вспышки выстрела тоже не видно.

Григорьев запросил по радиостанции у своего шефа, где ему находиться на операции. Шеф позвонил большому начальству в Душанбе. Получил команду находиться в боевых порядках.

Во время прочёски убило пулемётчика группы. Григорьев лёг за пулемёт. Но и ему не повезло: пуля попала в голову. Был бы в каске, может быть, и спасся: пуля совсем чуть-чуть задела голову, но это оказалось смертельно.

Начальники испугались за свою шкурку, и все отрицали, что давали устную команду находиться в боевых порядках. Получалось, что он самовольно геройствовал.

Вот почему, когда я только приехал в Душанбе, один из замов начальника, тот, у которого голова похожа на дыню, сразу начал инструктаж на повышенных тонах: «Нам в Афганистане нужны контрразведчики, а не пулемётчики!» Я тогда не понимал, о чём это он.

Пулемётчиком я там не был. А вот гранатомётчиком станкового гранатомёта (СПГ) однажды пришлось стать.

В горах был туман. Уже несколько дней. Вертолёты не летают. Я на загранобъекте «Пашар». Застава мотоманевренной группы, 50 человек, плюс 10 миномётчиков.

Приходит местный житель кишлака Фи. Рассказывает, что в кишлак пришли бандиты, человек двадцать, требуют продовольствие с каждого двора. Что особо обидно, душманы не со своего кишлака, а «чужие». Хитрые жители просят защиты у шурави.

Взяли разрешение в оперативной группе на проведение мелкой операции без поддержки вертолётов, собрали всех, кого могли, ещё двадцать сарбозов (военнослужащих ДРА), которые жили рядом в кишлаке. Вышли по тропе под прикрытием тумана, который быстро рассеивался. Через час его уже не осталось совсем.

Сарбозов пустили вперёд, на прочёску кишлака. Но они дошли до крайних домов и попрятались там у знакомых. Наши бойцы вступили в бой.

Выходит на связь командир группы. (Попросили замолчать сарбозов, которым тоже дали рацию, и они в неё гор-

до кричали: «Дуст, дуст, манн меркес» (Друг, друг, я центр). Так им нравилось, что они центр.) Так вот, выходит ко мне на связь командир.

– Нас прижали огнём из пещеры. Которая выше кишлака. Ты её наблюдаешь в бинокль?

– Да, вижу.

– Попробуй попасть в неё из СПГ. Там повар учился когда-то на гранатомётчика, возьми его в помощь. Только прицел разбит, попробуй целиться через ствол.

Вызываю с кухни повара, приносим боеприпасы, начинаем стрелять. Наблюдаю, куда летят снаряды, и подкручиваю наведение. В пещеру попали два раза только, двадцать четвёртым и двадцать пятым зарядами.

Группа вернулась из кишлака без потерь. Офицеры улыбались за ужином.

– По цене зарядов ты выстрелил целый автомобиль «Жигули».

– А вы хотели, чтобы автомобиль был, а ехать некому? Жизнь дороже.

А ночью меня тошнило, и голова кружилась. Надо стрелять из СПГ в шлеме – слишком громкий звук. И ещё какая-то порошинка или песчинка залетела в ногу во время выстрела. И несколько лет в мышце выше колена было небольшое затверждение. Потом само рассосалось.

Вот вспомнилось в пять утра. И туман, и тучи, сырое утро. Подробно, ярко. В шесть часов уже всё это написал.

А почему раньше не написал об этом? Да люди будут читать, которые действительно попадали в серьёзнейшие боевые ситуации, как-то неудобно про себя писать. Григорьев погиб в нашем ущелье до моего прибытия в Афганистан, всё пишу по рассказам сослуживцев. Но помянуть его надо. Да, ещё вспоминается фраза одного начальника, которую он нам сказал на сборах офицеров контрразведки. Без сарказма. Он просто не знал, что и сказать. «Все погибли моментально, а наш – молодцом. Ещё двадцать минут жил, даже спасти его пытались». Это про Соловьёва, который прибыл с Дальнего Востока. Он ехал на бронетранспортере вместе с группой военнослужащих сверху «на броне». Чтобы не пострадать от противотранспортной мины, внутри БТРа только водитель. Мина оказалась в ручье, который переезжали. Она была усилена авиабомбой и ещё чем-то. Взрыв был очень сильный. У бронетранспортёра днище соединилось с верхней частью, а бойцы разлетелись на несколько метров. Вот и Соловьёва надо помянуть. После той войны контрразведка своих не забывала. Но и не вспоминала. Страна начала петь новые песни, такие как из «Бумера»: «Никого не жалко, никого, ни тебя, ни меня, ни его».

2018 г.

Трудно не сказать лишнего

А вы не жалели, что сказали лишнее? Иногда это всего одно слово или одна мысль. Выскочила воробьём, нагло чиркнула и улетела. А вы остаётесь с последствиями. Да, бывают сожаления и по другому поводу. Как же я, такой или такая умная, и не сказал, промолчал, а это слово было бы как победный удар молотка по пасхальному яйцу, как колокол среди ночи: все бы подпрыгнули от неожиданности. И они бы тогда ответили, а я бы тогда сказал ещё слово. А так – лежи перед сном и продолжай диалог со своей подушкой.

Но промолчать бывает ещё сложнее. Когда сказанное не тайна и не несёт никому печальных последствий, кроме тебя. Когда воробей, вылетая, гадит только на своего освободителя.

В кабинете начальника сделали ремонт. Начальник в погонах полковника, и ремонт ему делали солдатики, вчерашние мальчишки из далёких сёл и городков. У них свой взгляд на эстетику и дизайн. Зовёт меня начальник к себе. Обычно он любитель покричать на подчинённых и даже на каждого офицера завёл папочку с компрометирующими материалами, которые хранил в дальнем уголке сейфа. Однажды он заболел, врачи ошиблись с диагнозом. Он перед операцией в госпитале позвал всех подчинённых офицеров, попросил прощения за всё и сообщил, что папочки со всякими кляу-

зами он сжёг. Но болезнь оказалась лёгкой, начальник вернулся и заявил, что ещё не успел очистить свой сейф.

И вот он позвал меня к себе в отремонтированный кабинет. Там были ярко-розовые стены и сейф, который солдатики пытались покрасить под дерево. Нанесли на тёмно-коричневый фон светло-коричневые пятна и полосы. В хорошем расположении духа, шеф обратился ко мне по имени-отчеству.

– Юрий Семёнович, Вы любите искусство, у вас развитое эстетическое восприятие, – начал он, разглядывая розовые стены, – как на Ваш взгляд, сейф такого цвета не очень сочетается с внешним?

Я понимал, что сейчас скажу то, чего не надо говорить. Но не смог сдержаться.

– Зато прекрасно сочетается с внутренним.

– А почему с внутренним? – Он пытливо взглянул мне в глаза. Я заметил, как его глаза начинают меняться. Сначала в глубине светился вопрос. Вопрос погас. Глаза стали больше по размеру и выпуклыми. В них любопытство быстро переросло в ярость.

– Ты хочешь сказать, что в моём сейфе говно?

Мне показалось, что он даже понюхал воздух, чтобы убедиться, что это не так. На самом деле его ноздри раздувались от негодования.

– Ты сам говно, и в твоём сейфе говно, и в кабинете у вас говно! – Он искал слова, кроме «говна», чтобы всё покрасить

в коричневый цвет. Не нашёл. И ещё долго продолжал речь, в основном состоящую из этого же слова.

Он постарался покрасить мою ближайшую жизнь именно в этот цвет. И всем досталось, кто попадал под руку. Меня перевели на новое место службы, на Камчатку, а сейф и стены перекрасили.

А до Афганистана? С генералом по кличке Кровавый Карлик. Ему дали такую кличку еще до нас, где-то в Группе советских войск в Германии. Он, когда злился, становился красным, как спелый помидор, а злился он всегда. Никто не мог его уволить, потому что он был в хороших отношениях с большим московским начальником, тоже маленького роста, по фамилии Цинёв. Или Цвигун? Кто из них маленький? Неважно.

Приехал к нам Карлик с инспекцией. Нашёл желающих для откровенного разговора. И узнал, что некий капитан любит шутить. Одессит. А шутки вызывали у Кровавого Карлика дикую злобу. Собрал он офицеров, приказал мне встать и сразу покраснел.

– Вот, посмотрите, у нас завёлся шутник. Вместо офицера у нас клоун! Клоун, клоун, клоун. – Генерал заводился всё больше. Только ещё не подпрыгивал при этом, как ребёнок, который дразнится. Вот он выкричался, и лицо начало розоветь после красного.

– Вам есть что ответить? – спросил он меня. Но опять меня чёрт дернул.

– Никак нет, товарищ директор цирка!

Помидор опять покраснел. Начал кричать и угрожать. Он кричал что-то про купленную мной машину, что надо посмотреть, на какие деньги (старенькую, я её отремонтировал и ездил), я не слушал, думал о возможных последствиях.

Последствия наступили. Мой однокурсник работал в отделе кадров, позвонил мне.

– Что ты такого сказал генералу, что он лично прибежал в отдел и дал указание капитана Яковлева отправить в Афганистан на самый сложный и опасный участок? А если откажется ехать – уволить!

Вот так я и уехал в Афганистан. А там не было таких начальников. Реже встречались. Да ещё и в диких горных краях. Избегали этой загранкомандировки. Лично мне не встретились. И шутки там могли оценить.

А потом в интернете. Критиковал Майдан и новые власти на Украине. И всё это пошло в дело. А когда подослали агента, он спросил, как я буду встречать русские танки на улицах Одессы, представляете?

– Традиционно, – ответил я. Ну и можно было не отвечать на дальнейшее.

– А как это – традиционно? – не унимался посланец СБУ.

– Немецкие с гранатой, русские с цветами!

И вот они там, а я здесь, в России.

Да эта «болезнь» у меня с детства. Помню, родители наказывали, после жалоб на родительском собрании, что все

дети нормальные, а этот молчит, а потом может сказать что-то очень едкое. И это передается по наследству. Дочку спросили на уроке биологии: правильно ли будет для оказания помощи закапывать в землю человека, которого ударила молния? Она ответила, что, скорее всего, правильно. Закопать. Обычно так делают. Учительница пожаловалась, как когда-то на меня. Только мы не ругались, а смеялись. Да и в четыре годика, когда я её обнимал, небритый, она сказала: «Ты не ёжик, а я тебе не яблочко, чтобы насаживать на свои колючки»! Дай бог, чтобы ей это не мешало, а помогало в жизни.

Да и мне не мешает. Жена привыкла, ей нравится. Вот только лежишь перед сном и думаешь: а если бы не сказал лишнего? А если бы вот так сказал? А если наоборот? Или от слов ничего никогда не меняется? Есть судьба и в любви, и в работе, и во всей остальной жизни. Или сначала было слово?

2020 г.

Про любовь и поэзию

Вертолёт загудел громче, обдав нас горячей струёй керосинового

воздуха, оторвался от земли, спикировал с нашей скалы в глубокое ущелье и скрылся за поворотом реки. Сразу стало тихо. Очень тихо. Всегда поражаешься в горах, какая бывает тишина. Так тихо было в этих афганских горах тысячи лет. Нет здесь дорог. Нет машин. Караванные тропы. Для ишаков и басмачей. Верблюды в горы не ходят. Ну и мы тут прижились в горах. Пограничники маневренной группы.

Только что прошёл дождь. Конец мая. Природа уже ждала дождя. Запахло травой и смолистым запахом арчи. Это такой можжевельник. Дерево.

Штаб прилепился между двух огромных камней. Двухэтажный. С потолками в средний рост человека. Маленькое окошечко из снарядного ящика. Рядом с ним выбоина от разрыва выстрела гранатомета. Кто-то забыл опустить светомаскировку вечером, когда дали свет от дизель-генератора. На первом этаже штаб, на втором – связисты. Маленькие комнатки с печкой-буржуйкой в уголке. Зимой я сидел перед горячей печкой, жарил и дезинфицировал на углях чищенные грецкие орехи, накалывая их по кусочку на шомпол автомата. Местный подарил целую связку на нитке. Я ему лекарство для ребёнка привозил. Но уже тепло, печку не топят.

Потолок подбит фанерой. Со щелями. Как-то крыса свесила через щель длинный хвост во время нашего ужина. Капитан по имени Виктор, командир этого объекта, схватил за хвост. Крыса пищала, не знала, что делать. Не знал и капитан. Отпустил. Она ушла по делам. Он – мыть руку. Он был седой толковый, и всё ещё капитан. Через месяц, говорят, получит звание майора.

– Почему у тебя такая задержка в получении званий? – спросил я его.

– Это долгая история, – ответил он. – Я невинно пострадал сначала за любовь, а потом за поэзию.

Всякие истории я слышал от офицеров в эти афганские вечера в землянках. Где не было телевизора и книг. Но тут такая романтическая история! Вечером, когда пили чай со сгущёнкой, я попросил Виктора рассказать про любовь и поэзию, которые останавливают служебную карьеру.

– А что я мог сделать против любви? – начал свой рассказ капитан. – Я уже заканчивал службу на далёком острове Курильской гряды. Там не держали тех, у кого детям скоро в школу. Места красивые. Море, грибы, ягоды. Рыбалка. Остатки японских укреплений времен войны.

– И кого ты там умудрился полюбить, кроме жены? Неужели природу? – поинтересовался я. – Это не запрещено.

– Нет, жена уехала с ребёнком к матери, ждать моего назначения к новому месту службы, где есть школа.

– Не представляю, кого можно ещё полюбить на острове.

– Ты и не можешь себе представить. Летом мне прислали сразу двух лейтенантов, которые только что окончили училище. Но уже успели жениться. Один лейтенант – зам по боевой части. Другой – по политической. Оба красавцы. Молодые, подтянутые. И жены у них симпатичные. Но совершенно разные. У замполита – высокая блондинка. Вежливая, общительная. А жена зама по боевой – очень боевая, черноволосая, с хорошей фигуркой. Весёлая. Смеялась по любому поводу.

– Кто из этих жен испортил тебе карьеру? – поинтересовался я.

– Обе. Но не так, как ты думаешь. Я не аморальный тип, чтоб ухаживать за жёнами подчинённых.

– Тебя по доносу зря заподозрили?

– Нет. Мне нравилось, что молодые офицеры стараются на службе. Жены за ними ухаживают и подружились между собой. Меня приглашали на совместные празднования дней рождений. Славные ребята. Но потом наступила зима. Тоскливо зимой на острове. Туманы. Вертолёт прилетит раз в месяц. А то и не прилетит. Но молодые семьи стойко переносили трудности.

– В чём же тогда проблема, если всё в порядке и на службе, и дома?

– Случился Новый год. Встретили мы вместе с солдатами заставы, концерт организовали, песни, музыка. Потом я на службу, а молодые пошли к себе праздновать. Там выпили,

играли в карты. Кто-то из них предложил, сначала шутя, а потом и серьезно, поменяться жёнами на неделю. Блондинка не соглашалась, её уговорили втроём. Я этой подмены и не заметил.

– Так ты и дальше мог не замечать, вернулись назад, всё тихо.

– В том-то и дело, что замполит с чёрненькой не захотели меняться

обратно. Они говорили, что возникла настоящая любовь. Блондинка всё пыталась ударить, чем потяжелее, своего бывшего мужа или его новую подругу. Пришлось докладывать в штаб отряда. Прилетел вертолёт, когда позволила погода, и увёз их к разным местам службы.

– Представляю, что тебе довелось услышать!

– Да, самое мягкое – что я развёл на заставе развратство, только они кричали совсем другое слово. Выговор получил, и задержали срок получения очередного звания. Пострадал за любовь.

– А за поэзию?

– За поэзию – на китайской границе. Привезли пополнение бойцов после учёбы. Один такой красавчик, городской, грамотный. Всё стихи писал. Какие-то упаднические. Про смерть. Потом повесился.

– Тебе опять выговор и задержали звание?

– Ну, конечно, без этого не могут. Но самое страшное, что

через год на заставу опять попал молодой солдат, который писал невесте письма в стихах.

– Закон парности случаев? Тоже повесился? – спросил я.

– Нет, с этим гораздо лучше. Он застрелился. Они с невестой договорились быть честными. Если она ему изменит – не будет объясняться, а пришлёт в письме спичку. На третьей спичке он застрелился. А жаль: у неё ещё целый коробок спичек остался.

– Что тебе сказать на всё это? Такая вот она бывает, любовь, и такая поэзия.

– У меня на объекте нет ни одного человека, кто сочиняет поэзию.

Когда прибывает молодое пополнение, я спрашиваю, кто умеет писать стихи, два шага вперед. Если такие находятся, я их в вертолёт и отправляю, пусть заменят другими, не такими талантливыми.

– Надеюсь, по отношению к молодым лейтенантам и их жёнам ты никаких методов противодействия не придумал?

– А эти пусть живут! – улыбнулся седой капитан. – Даже крысу за хвост долго не удержишь.

– Да. Ты реально пострадал за любовь и поэзию. Про тебя когда-нибудь стихи напишут.

– Лучше прозу.

Написал, выполняя заветы.

2022 г.

Двадцать восьмое мая

Рядом протекал арык. Над ним рос большой абрикос. Летом он давал очень сладкие белые и совсем гладкие, как слива, плоды. На дереве кричали майны. Это такие среднеазиатские грачи или скворцы.

Два майора в зелёных фуражках сидели за столом. Один – комендант участка. Другой – старший офицер разведывательного отдела. Вместе учились в Алма-Атинском пограничном училище. Встретились 28 мая. В День пограничника. Выпили по рюмке. И началась беседа.

– Говорят, что мы опытные офицеры, а что такое «опыт»? – начал разговор комендант.

– Опыт – это навык делать всё правильно в сложной или обыденной ситуации.

– А я бы сказал, что опыт нам подсказывает, чего не надо делать. Вот я был начальником заставы, уехал в штаб погранотряда. На заставе остались два молодых лейтенанта. И засорилась канализация от кухни до выгребной ямы.

Мои лейтенанты додумались исправить ситуацию по-военному. Вскрыли люк колодца возле кухни. И засунули подальше взрывпакет в железную трубу канализации. После взрыва из кухни выскочили с руганью повар и рабочий по кухне. Оба с чёрными лицами. Такая канализационная грязь, как лечебная на курортах.

– Да, представляю. Сначала выскочила ругань, потом рабочий с поваром!

– Ты лучше представь ту кухню! Четыре раковины для мойки посуды. Из всех четырёх эта грязь полетела на потолок и стены! Вот проявили инициативу и молодую энергию. Еле отмыли кухню.

– А у меня тоже был похожий случай. В Туркмении, на заставе, возле которой очень много змей. Там даже фильм снимали – «Змеелов». Кобры, гюрзы, эфы – полный набор. Мы к этому привыкли. Наверное, и змеи привыкли к нам.

– Хорошие соседи! Хуже змей соседями бывают только нехорошие люди.

– Так слушай дальше. К нам на практику приехал курсант пограничного училища. Парень молодой, неопытный, инициативный. Я с тревожной группой и системщиками уехал на границу. Суббота. Курсанту сказал, чтобы он проследил за тем, чтобы затопили баню, навели порядок. Тут кто-то ему сказал, что под баней живут змеи, надо быть осторожным.

– Что, курсант начал борьбу со змеями? Богатырь пошёл рубить им головы, как Змею Горынычу?

– Нет, он сделал ещё хуже. Он взял у старшины дымовую шашку со слезоточивым дымом. Помнишь, нас ещё такими на учениях окуривали в противогазах? Гордый собой,образительный курсант. Решил всем утереть нос, показать, как надо бороться с пресмыкающимися. А то живёте здесь, погрязли в змеях. Он бросил шашку под баню, а сам встал с ло-

патою возле неё, чтобы уничтожить змею, которая медленно выползет. Или двух. Он не ожидал, что с огромной скоростью несколько десятков змей выскочат из-под бани и даже из-под крыши бани.

И все эти гады помчались в дом офицерских семей и в казарму. Я приехал на заставу. Баня не состоялась. Семьи вывезли на соседнюю заставу. Бойцы перешли в окопы на три дня. Пока выгоняли из помещений всех змей.

– Да, экологическое равновесие лучше не нарушать. И с дикими зверями жить в гармонии. И не забывать, что они не домашние.

– Это ты вспомнил последний случай на соседней заставе?

– Да это было очень весело, когда я приехал на заставу, а там повальное помешательство. Все сидят на деревьях. Как на известной картине «Грачи прилетели». Что за игра такая? И мне кричат: «Не выходите из машины! Мы ждём лейтенанта Замбржицкого, когда он придет с проверки нарядов на границе». Пришлось съездить за ним.

– Он же за это выговор схлопотал. Скрестил свою овчарку с волком. Получился наполовину волк. Лейтенант научил его след брать. Лучше овчарки. Жаль, что слушался только первого инструктора и лейтенанта. Инструктор уволился, и закончилась работа с волком. А тут он выпрыгнул из вольера, пошёл гулять по заставе. Его и так все побаивались. Особенно когда ночью он протяжно выл. Или когда включали по трансляции песню Пугачёвой: «Приезжай, хоть на часок», он

всегда громко подвывал!

– Да, с нашим опытом теперь мы не совершаем ошибок молодости. За это тоже надо выпить. Но сначала третий тост, за тех наших ребят, что остались в Афгане: за Витьку, Сашу, за Маклиновского и всех погибших, не чокаясь!

Помянем, брат!

А вокруг было много света и зелени. В хорошее время наш праздник. День пограничника.

2019 г.

ЗАС – засекречивающая аппаратура связи

Он звонил, как будильник. Всегда неожиданно и громко. Простой военный телефон. Но был ещё и другой вид связи. Секретный. По телефону или радио. Аппаратура превращала голос в булькающие звуки, которые неслись к слушающему, где почти все слова аппарат должен был восстанавливать.

И вот я, лейтенант, сижу в канцелярии пограничной заставы, в казахской степи на китайской границе. Это сейчас с Китаем дружба. А тогда можно было представить, где сидел я на заставе, а где та дружба.

Звонок по телефону, который ЗАС. Это не с границы, это какие-то военачальники звонят.

Поднимаю трубку.

– Слушаю, лейтенант Яковлев.

– Это говорит полковник Петров из Управления погранвойск всего СССР.

– Здравия желаю, товарищ полковник, на участке заставы происшествий не случилось. (Почему происшествий не случилось? Они что – случайные все? А как? Случаев не произошло? Происшествий не произошло? Да бог с ним.)

– У вас на участке на сопредельной территории китайские военнослужащие чистят арык?

– Да. Чистят от снега и мусора.

– А можно ли его использовать в качестве окопа?

– Пока мороз, можно.

– Спасибо.

Через несколько минут опять звонок по ЗАС. Думаю, сейчас спросят, можно ли в арыке незаметно ползать, сидеть или стоять во весь китайский рост.

– Это звонят связисты из Алма-Аты, мы будем настраивать канал.

Через пять минут опять звонок.

– Слушаю Вас. – Длинная пауза. Потом низкий недовольный голос медленно говорит. Видно, большой начальник, думает, что ему должны сразу докладывать по форме:

– Слушаю Вас. – Тоже не представляется, хотя сам позволил. И голос какой противный. Но я не сдаюсь.

– Кто говорит? – Медленный голос басом, ну точно, большой вредный начальник, решил надо мной поиздеваться и недовольным тоном бубнит.

– Кто говорит? – Ну ладно, первым представлюсь.

– Лейтенант Яковлев.

Пауза. Мой собеседник в ответ:

– Лейтенант Яковлев. – Вот и поговорили. Как объяснили связисты, шло отражение из Алма-Аты с искажениями звука.

А вот радиоканал ЗАС в Афганистане. Там шумы и бульканье зашкаливало.

Чтобы настроилась аппаратура и обострился слух у принимающего, было принято перед фразой говорить: «Единица, двойка, тройка». Почему не четверка и пятёрка? Потому что связь на единицу, двойку, тройку.

Выходит на связь шеф, начальник моего отдела. Человек спокойный, а тут такой голос, вроде зубы болят.

– Юрий Семёнович, что с Вами случилось 15 марта этого года?

Звонок в сентябре 1985 года.

– Не помню, а что случилось?

– У Вас изымали на границе два килограмма опиума?

– Единица, двойка, тройка. Понял вас. Пусть почитают внимательней протокол. Там зачёркнуто «протокол изъятия» и написано «протокол передачи изъятых наркотиков». Шеф успокоился, вспомнил, что я ему докладывал.

Бандиты узнали, что есть среди наших военных любители покурить наркотики, и решили сделать наркоманами всех солдат на посту, чтобы взять их в плен без боя. Прислали опиум-сырец, слепленный в шар, как футбольный мяч. Мы с разведчиком этот шар перехватили и отдали на хранение в сейф местному ХАДовцу (сотруднику безопасности ДРА). Но он перестал отвечать вразумительно на телефонные звонки. Тогда у него забрали наркотики. «Мяч» из размера футбольного сдулся до ручного мяча. Пока не сдулся до теннисного, решили уничтожить или передать пограничникам на КПП прилёта в Союз, чтобы у них были результаты по борь-

бе с наркотиками. Они сами просили. Так и сделали. Надо было сжечь и дым развеять.

Вот ещё работа по ЗАС. Рыжий майор из госпиталя прилетел на «заграничный объект» делать прививки и проверить здоровье бойцов. (Почему прилетел? Майоры не летают, даже рыжие. Потому что в тех краях не было дорог, передвижение только вертолётном.)

– Единица, двойка, тройка. Докладываю, что на объекте обнаружен педикулёз.

– Единица, двойка, тройка. Не понял, что обнаружено?

– Обнаружен педикулёз.

– Ещё раз, что, что там обнаружено?

– Педикулёз.

– Не понял!

– Да вши, вши обнаружены!

– Вши, понял!

Или ещё такое.

– Единица, двойка, тройка. Передайте, нужны ли вам огурцы для сапогов?

– Нужны только семенные. (Нужны ли заряды для СПГ? Нужны осколочные)

Это уже по привычке. По ЗАС можно было бы и прямым текстом.

А приятное: жена Лена выходит на связь из Хорога и поздравляет с днём рождения. Через бульканье и шумы. Единица, двойка, тройка. Нет, тройка, двойка. Мне было трид-

цать два года.

2019 г.

Эх, рано встает охрана

Идём по Тверской. В самом её начале. Отель «Ritz – Carlton, Moscow». На этом месте до революции был отель «Франция», где останавливались Некрасов, Блок, Тургенев, Салтыков-Щедрин. Но это было ещё до нашей жизни. Что они могли бы вспомнить про свою «Францию»? Они бы рассказали. У каждого своя «Франция». Мы помним на этом месте гостиницу «Интурист» на улице Горького. Вот и я вспоминаю про свою «Францию».

Нас, слушателей Высшей школы КГБ, использовали как резерв на больших государственных мероприятиях. А куда уж больше мероприятие: Индира Ганди приезжает к Леониду Ильичу Брежневу. А что это значит для нас? А это значит, что мы будем дежурить в каждом номере гостиницы «Интурист». Постояльцев должны были предупредить о проводимом мероприятии. Видно, всех не успели. Сначала ко мне, молодому и симпатичному будущему чекисту, заходит старая американка. И первый вопрос: «Who are you»? (Ты кто?) И тщательно целится в меня своим указательным пальцем. Потому что боится. Тут я, под прицелом пальца, заготовленным текстом объясняю, что я представитель местной власти, и я должен находиться в этой комнате во время проезда по улице кортежа с Брежневым и Ганди.

– Как это может быть? – удивлялась американка. – Это

мой номер, я за него заплатила.

– Да, это Ваш номер, нет сомнений. И я уйду после окончания мероприятия, – напрягал я свои знания английского.

– Вот я уйду на ланч, а когда приду, надеюсь, здесь уже всё кончится.

Только она ушла – щелчок в двери, и заходит высокий американец средних лет и симпатичная женщина. Сверлят меня глазами. Вот сейчас скажут бабушкины слова. Да, звучит как припев в английской песенке.

– Who are you? (Кто ты?)

Пошли бы вы к бабушке. Пусть она вам расскажет за ланчем, кто я. Но ведь так посылать нельзя. Мы тут почти на острие международных отношений.

– Я представитель местной власти, и я должен... (далее по тексту).

– А, – с пониманием ответил американец, – вы сидите в каждом номере, чтобы никто не стрельнул в Брежнева.

– Да, это в целях безопасности.

– А у нас вот в президентов стреляют. А у вас его любят?

– У нас в него не стреляют.

– Лично ты его любишь?

– Мы его охраняем.

Тут они совсем осмелели, подошли вплотную. Мужчина сделал движение рукой в сторону моего лица. Как оказалось, хотел по щеке потрепать молодого парня. Блок я, конечно, поставил, руку отбил. А отвлекающий удар в промеж-

ность не сделал, можно сказать, что зачет по физподготовке не сдал. Для зачёта Долматову достаточно было поставить блок и нанести отвлекающий удар в промежность. Такое слово культурное использовалось для инструктажа по боевому самбо. Правильно. А как по-другому? Ударить по мужскому достоинству – так двусмысленность получается. Главное достоинство мужчины голова. А у некоторых – кошелёк. Оскорбление – это тоже удар по достоинству. А в промежность – это конкретно. На отличную оценку надо ещё и руку перехватить и выкрутить её за спину. Женщина подкралась и робко похлопала меня по плечу. Я ей одобрительно улыбнулся. По плечу – это другое дело. Это по-нашему. Вспомнил, что у китайцев слово «льстить» переводится «похлопать лошадь по заднице». Странно. Лошадь этого не любит. Может лягнуть.

А ещё на государственные праздники мы помогали обеспечивать безопасность трудящихся и вождей на Красной площади. Седьмого ноября – холодно и сыро. И потом выпить хочется чего-нибудь, хоть чаю горячего. А первого мая – всегда было солнечно и тепло. И настроение весеннее. Все шутят, смеются. Вот пришли с площади наши представители солнечного Кавказа – Амиран Антадзе и Отари Аршба (мы его звали Тэнго). Старший нашей группы, офицер из КГБ, ждёт от них доклада.

– Докладывайте, как прошла служба, были ли какие-нибудь происшествия?

– Да, мы наблюдали одно антигосударственное проявление, – заявил Тэнго.

– Какое проявление? – насторожился старший.

– Мальчик, в возрасте до четырёх лет, долго смотрел на свой красный флажок, потом бросил его на землю и потоптал ногами, – доложил с подчёркнуто серьёзным лицом Амиран.

– А вы меры приняли, заметив антисоветское проявление? – улыбнулся старший.

– Да, мы приняли серьёзные меры.

– Какие конкретно?

– Мы оба страшно насупились! – доложил Тэнго.

И они изобразили, как они насупились на мальчика.

Кстати, вспомнил, как играли две наши команды в баскетбол. Амиран засмеялся. У него была такая улыбка и смех, что всем становилось весело.

– Ну что смешного, упал высокий игрок с четвертого факультета, это Вадик Стромов, я его знаю, он приходил бороться в спортзал.

– Да ты звук слышал? Послушай! Это же песня! Все падают с одним звуком. Бух, и лежит. А он падает на четыре стука, как складной метр! Колени, локти и ещё что-то!

Следующий раз прислушался. Действительно.

А седьмого ноября всегда было холодно и сыро. Соседняя учебная группа дежурила в холодных каменных коридорах собора Василия Блаженного. Отжимались и приседали, чтобы не замерзнуть. А мы с моим надежным другом Шу-

рой Корчковым дежурили в качестве дружинников на Манежной площади вечером, во время салютов. Нас там нашла моя невеста Лена. Принесла нам термос с горячим чаем и поджаренные, ещё тёплые куриные ножки. Мы сели на скамейку во дворе института стран Азии и Африки и приняли пищу. Шура вдруг застонал.

– Тебе плохо? Почему ты стонешь? – забеспокоился я.

– Я пою! – обиделся Шура.

– А, ну конечно, не буду мешать, извини.

В это время начались салюты. Красные, зелёные, синие, жёлтые в безоблачном небе. Все очень яркие и весёлые, как наша жизнь и учёба в Москве. Был такой родной и тёплый город. Наш город. Столица нашей Родины.

2019 г.

Смелость и страх

Если быть до конца честным, если совсем не обманывать, то признаюсь, что я родился трусливым ребёнком. Или очень осторожным. Есть такие смелые дети, в огонь и воду без колебаний, и пальцы пробуют смело в розетку засунуть. А меня вот ни разу не било током. И за тридцать восемь лет вождения автомобиля я ни разу не сбил собаку или кошку, не врезался в чей-нибудь автомобиль. Так и остался осторожным.

Вот уже соврал. «Если быть до конца честным». Током ударило уже в зрелом возрасте. Проснулся ночью. Захотел выпить чаю. Газ зажигался спичками. Куда подевались? Чем зажечь газ? Электрической искрой можно. Беру электрошокер, подношу к горелке.

Пробивает на корпус газовой плиты и мне по локтю, чтоб испытать новизну ощущений.

Родители ходили в кино, когда мне было семь лет. На поздний сеанс. На Дальнем Востоке было много беглых заключённых, мы жили на первом этаже, и мне было страшно ложиться спать. Я брал отцовский кортик, вытаскивал из ножен, а утром просыпался от того, что он колот меня в бок.

А в седьмом классе я понял, что есть много чувств, которые сильнее страха.

Она была балерина, моя ровесница. Мы весело болтали. Она сидела на качелях перед домом, и я её чуть-чуть раска-

чивал. Был тёплый южный вечер.

Внезапно из темноты подошли человек восемь взрослых парней. Один из них грубо столкнул девочку с качели и грязно выругался.

– Ты что, с ума сошел? – спросил я.

В ответ услышал матерную брань, они надвигались на меня. От избиения меня спас только мой возраст. Тогда ещё было не принято бить детей и женщин.

Я развернулся и ушёл домой. Они свистели нам вслед и гадко смеялись.

Ночью я не мог уснуть. Меня что-то мучило. Даже не то, что девочка могла подумать, что я трус. Страшно, что я сам мог так подумать. И ничего нельзя было исправить. Лучше бы дать тому небритому по морде, а дальше пусть бы было так, как сложилось бы. Что меня мучило? Самолюбие или ещё что-то?

Заснул только под утро. После того, как поклялся себе, что в следующий раз буду драться с кем угодно, чтобы не испытывать унижение.

А вот и настало время сдержать свою клятву. Мы с сестрой пошли на школьный стадион. На баскетбольную площадку, побросать мяч. Сестра оставила на скамейке свой халат, который был брошен поверх спортивного костюма. В это время на площадку подошли местные хулиганы, которые наводили страх на весь район. Их все знали по кличкам: Вица, Чайка и Мурабеля. Мы решили уйти, услышав их гогота-

ние. Оказалось, что они повесили халат сестры на трубу домика, на который можно залезть с каменного забора. Я сказал, чтобы сестра шла домой, а сам залез на забор.

В это время путь мне преградил Мурабеля, который быстро и ловко, как обезьяна, вскарабкался на забор.

– Ну что, мелкий, сам спрыгнешь, или я тебя здесь и прикончу? – Он сверлил меня какими-то бесцветными акульными глазами. Знал, что все боятся его взгляда. И его бандитского приёмчика: неожиданно, расслабленными пальцами руки хлестнуть человека по губам, отчего губы сильно разбиваются и человек впадает в шоковое состояние.

Но я должен выполнить свою клятву. Поэтому я первым ударил его со всей силы в живот и толкнул с забора. Я не смотрел, как он падает. Только потом узнал, что он сломал себе руку. Я быстро залез на домик, забрал халат и спрыгнул вниз на кучу гравия. Набрал побольше камней. Я хорошо бросаю камни. На соревнованиях по пионерскому троеборью поставил рекорд школы по метанию мяча. В детстве на Дальнем Востоке у нас с моим другом Васькой была такая игра. Возле леса протекал ручеёк в овраге с крутым обрывом. Другая сторона обрыва была усыпана мелкой и крупной галькой. Круглыми такими камнями. Мы на крутом обрыве строили фашистскую оборону – танки, пушки, самолёты. А потом долго сбивали их камнями через овраг. Поэтому, когда в четвёртом классе на уроке физкультуры в школьном дворе сдавали метание мяча, я предупредил учителя, что за-

брошу мяч за забор школы на улицу. Он посмеялся. Не поверил. Потом весь класс бродил по улице в поисках мячика.

Так вот, я отбежал от забора и стал наблюдать, как меня будут преследовать.

Над забором показались три головы. Я бросил два камня. От возбуждения получилось очень резко. Один выбил пыль из ракушечника на заборе возле головы. Другой со свистом полетел мимо. По странной восходящей траектории. Головы скрылись. Потом одна голова появилась, покрутила у виска пальцем и быстро исчезла ещё до прилёта камня. Полезли через забор далеко, чтобы зайти с тыла. До них не добросить. Я побежал домой вокруг городка. Неделю они дежурили под домом. Я не выходил. Но спал спокойно.

Потом пробрался на тренировку, где год уже занимался самбо. Рассказал тренеру. Он сказал что-то кому-то из взрослой группы спортсменов. После этого местные хулиганы боялись ко мне подойти. Кто-то очень авторитетный им не советовал.

Я понял, что моя смелость – это преодоление природной трусости. А как же мои предки воевали? Отец – там понятно, он хорошо стрелял из винтовки во время войны. А дед? Как же он в Первую мировую? Два Георгиевских креста. Он служил в кавалерии. На фотографии с саблей и наганом на шнурке, который прикреплялся странным образом на шею. Он же скакал в Брусиловский прорыв, рубил саблей врагов.

И его пытались застрелить, зарубить. Откуда они брали

смелость? Тоже преодолевали свой страх?

В генах должно что-то сохраниться. Может, и у меня это есть. Тогда, в десятом классе, местный хулиган Пеца, когда он ещё не сидел в тюрьме, ударил меня кастетом в нижнюю губу. Разве я осторожный? Он стоял, ругался на меня, потом отвернулся и вроде схватился за живот. Ну плохо человеку стало, я заглянул. А он надевал кастет на руку. Потом удар. И, как в замедленной съёмке, опять движется кулак с кастетом. Я убираю голову. Вижу, как из губы хлещет кровь на одежду. Тут включилась генетическая память предков. Ударил его по-медвежьи, почему-то открытой ладонью по ушам. Потом схватил его в охапку, бросил каким-то странным броском через грудь, каким бросали только чучело на тренировке, и придушил лежащего его же воротником. Он потерял сознание. Я победил, а пришёл во двор весь в крови. И всё жалел, что ему даже нос не расквасил. Чтобы все видели победу. Особенно девочки, которых я и защищал.

На соревнованиях – там не страх. Там другое. Спортсмены называют «мандраж», предстартовое состояние. От чувства ответственности или ещё от чего. Чем выше уровень соревнований – тем больше волнений. С ними тоже можно бороться. Но это очень мешает в спорте, ухудшает результат.

А вот в Афганистане, на настоящей войне – было иногда страшно. Но там нельзя офицеру показать, что ему страшно. Солдаты видят. Вот как тогда, с этим письмом в газету «Красная звезда». Кто-то из солдат написал в газету, что все

завшивели, два месяца не мылись в бане. Как потом оказалось, с заграничного объекта «Чашм-Дара». Но «наверху» решили, что это самый опасный наш объект «Шхаро». Команда сверху – отправить всех на помывку в баню. Прилетели сразу четыре вертолёта. Увезли бойцов. Нас осталось 12 человек. Бандиты это заметили и начали обстрел. Идем по траншее с майором Шевчуком, он хвастается, как они зарылись в землю.

– Вот, до меня руководил здесь молодой офицер. Им прислали лопаты таджикского производства, чуть толще жестяных. Их сразу сломали. А чтобы выжить, копали окопчики своими касками. А я прилетел с кирками и хорошими БСЛками. Большими саперными крепкими лопатами. Вот и траншеи по грудь хотя бы.

В это время засвистели маленькие птички. Есть такие в лесу, не знаю, как называются. Фьють, фьють, фьють. И сразу от верхнего поста: бах, бах, бах – выстрелы. Это пули возле нас пролетели. Не передам слова Шевчука, чтобы потом рассказ не попал в категорию 18+, с нецензурными выражениями. Если без выражений, то по смыслу так:

– Какой это сударь изволит стрелять по нам, невоспитанный такой его мамой? – во всё горло закричал майор (тогда, зимой 84-85-го он был майором).

– Это не мы. Он притаился где-то в камнях за кустами и стреляет. Мы его не видим! – раздался ответный крик с поста.

– Так обработайте на звук из трёх автоматов.

Раздались длинные очереди. Потом всё стихло.

– Борты возвращаются! – крикнул связист.

– Миномётчики все улетели в баню. А на противоположной стороне ущелья под арчой, в пещере, стоит басмаческий ДШК. Надо подавить его огонь при посадке вертолётов, – сказал Шевчук.

– Может, гораздо удобней стрелять по ним из СПГ (станкового противотанкового гранатомёта)? – предложил я.

– Конечно, удобней. Только у нас остались одни кумулятивные заряды к СПГ. Осколочных нет. А кумулятивные немного недолетают, срабатывает самоликвидатор. Вот радиостанция, иди наблюдай в ТЗК (мощный бинокль на треноге) и корректируй огонь. А я буду стрелять из миномёта. У нас ещё тридцать мин осталось.

ТЗК стояла на открытом месте, на снегу. Хорошо видно меня со всех сторон.

По ущелью уже слышен далёкий гул вертолётов. Смотрю, зашевелились под арчой, разгребли снежок вокруг пулемёта, целятся в меня. Бухнул миномёт. Мина взорвалась дальше пещеры. Скорректировал. Вспышка выстрела ДШК. Мимо меня прошипели, как реактивные, крупные пули. Следующий разрыв перед пещерой. Опять вспышка очереди ДШК. Я упал в снег лицом, потому что стало страшно. Радиостанция спрашивает: «Вот так хорошо»? Отвечаю, не поднимая головы: «Вот так нормально».

Если бы был бесстрашным – стоял бы под огнём и корректировал. А упал. Оправдываюсь, что главное – результат. Вертолёты добавили огня своими НУРСами, ракетами такими, высадили бойцов без потерь.

Почти у всех на войне страх притупляется, часто вытесняется бравым поведением опытного военного. Да и поверье ходит, что пуля или осколок мины, снаряда находит того, кто больше всех боится или прячется. Потом рассказывают про предчувствия, которые не подвели.

Был один офицер, которого страх не покидал всё время. Он так и уехал из Афганистана, сославшись на гастрит.

Вот мы с ним прилетели из Афганистана в Калай-Хумб, а надо ещё добраться в Хорог. И тут удача. Гражданский самолёт Ан-2, «кукурузник», летит в Хорог.

Подшли к пилоту. Он общительный, весёлый человек, всё шутил. Узнал, что мы из Афганистана, поинтересовался, нет ли у нас афганских монет, сыну в коллекцию. А у меня оказалась в рюкзаке целая горсть, уже и не помню откуда. Наверно, офицеры изъяли у какого-то бойца, который прихватил такие сувениры при прочёсывании басмаческого кишлака. Очень старых и новых монет. Отдал ему.

– За такую плату я вас с ветерком домчу до Хорога.

Взлетели.

– Передали, что по ущелью по встречному курсу взлетел реактивный самолет Як-40. Мы прижмёмся к скалам, чтобы с ним не встретиться, – сказал, повернувшись к нам, пилот.

Полетел вдоль почти отвесного склона горы. Если на пути попадалась выступающая скала, наш весёлый пилот поднял вверх крыло, и скала проносилась мимо.

Я заметил, что мой попутчик побледнел от страха и уткнулся в окошко в сторону ущелья. Я его начал тормозить.

– Смотри, смотри вперёд! Самое интересное пропустишь!

– Что я там могу пропустить интересного? – Он повернул голову, стараясь не смотреть вперёд.

– Незабываемый момент пропустишь! Когда пилот не успеет поднять крыло!

Он даже не улыбнулся.

Если со страхом не бороться, то он нас побеждает. Но он нам зачем-то нужен, раз уж он есть? Помогает нам выжить. Если бы выживали только те, кто боится, то люди были бы очень трусливы. А один и тот же человек может быть в одних ситуациях труслив, в других – смел и мужественен. Даже кошка: обычно убегает от собаки. А бывают случаи, когда она смело бросается на собаку, и убегает собака. Значит, в природе должна быть гармония. Удачное сочетание смелости и трусости, страха и бесстрашия.

Как сказали бы древние поклонники Дао – «борьба противоположностей, стремящаяся к равновесию и покою». Вот за гармонию и выпьем!

2019 г.

Карпаты, Карпаты

Хотел рассказать, как мы с Леной покоряли Говерлу, когда мне было 53 года. Но лучше расскажу про все мои Карпаты. С самого детства. Мои Карпаты? Это наши горы? Или польские, австрийские? Недалеко от Трускавца есть древняя русская застава в горах, туда возят туристов. Русская застава. Как теперь объяснить, что украинцы и русские – это разные народы? Соврать? Горы не врут.

Запомнился разговор с китайским профессором, врачом.

– Скажи, чем отличаются русские и украинцы? Их можно отличить по внешнему виду? Вот мы, китайцы, различаем разные народности, образующие наш китайский народ.

– Внешних различий нет. Только язык отличается.

– Вы понимаете один другого без словаря? Языки отличаются больше, чем у китайцев, которые живут на границе с Вьетнамом от языка северных провинций?

– Нет, значительно меньшее отличие. Без словаря свободно понимаем.

– Может быть, у вас история различная или религия?

– Да нет, история у нас общая. Древние князья – близкие родственники, управляли княжествами в Киеве, Суздале, Пскове. И церковь, русская христианская, была создана в десятом веке. Правда, теперь в украинском языке нет слова «русская», есть только «российская», что имеет иной смысл.

– Значит, вы единый народ. Различия имеют политический характер. Как бы вы ни назывались. А политические взгляды в истории народов быстро меняются.

Я не стал спорить. Тогда мне это казалось несущественным. Люди верят в правду или в вымыслы. Пусть считают себя отдельными народами, если им это важно для самосознания. Дед считал себя украинцем, прадеда уже не помнят. Значит, украинцы. Вот только церковь, островок грамотности, сохранила память о едином прошлом, да исторические документы, которые ещё не все подогнаны под новые теории.

Это было в начале девяностых, и я не придал тогда значения этому разговору. А умный был китаец.

Вернёмся к Карпатам.

В детстве я был в пионерском лагере в Межгорье. Учителей посылали летом на работу в пионерские лагеря, вот и мою маму отправили в Межгорье, где дети были из сёл Западной Украины. Меня она забрала с собой в лагерь.

Вспомню несколько эпизодов из пионерской жизни. Мы собирали возле реки растение мать-и-мачеха. Оно так называлось. Для аптеки и помощи Родине собирали. И там, у реки, один пионер поймал змею. Всех пугал гадюкой, но, по его убеждению, это был уж. Через пару часов змею увидел физрук. Велел бросить её в коробку. Змея вцепилась зубами в край коробки, и потёк яд. Это была гадюка. Она по-доброму отнеслась к мальчику, не укусила. А её убили. Потому что она гадюка. Это было несправедливо. Надо было отпу-

стить. Почему она не укусила? Забыла, что гадюка? Загадка природы.

На крутом склоне над ручьём был ДЗОТ времен войны. Я был уверен, что в нём лежит пистолет «ТТ» или немецкий. Меня дожидается. Надо только залезть по крутому склону. Я почти залез. Вот только глиняная осыпь помешала. Я по ней осыпался до самого низа, где всё было опутано колючей проволокой времен войны. Она ржавая. Но ещё колючая. Весь стал зелёный после медпункта. Это зелёнка размазалась. И на вечерней пионерской линейке (это такое построение пионеров в конце дня) меня, зелёного, как крокодил Гена, можно сказать, «красного следопыта», ругали перед строем, как начинающего чёрного копателя. Трёхцветное событие произошло.

И вечера после отбоя. Когда ещё не спят. В других лагерях пионеры рассказывали анекдоты или пугающие ужастики про пляшущего скелета или про чёрный плащ. В комнате было много кроватей, и всем вместе было не так страшно. Но в этом лагере у нас был один лучший рассказчик, а все слушали историю про какого-то Гойко, который убивал москалей. Помню, что он и из пистолета, и гранатами, и из пулемёта, и даже гвоздём убивал. Да, думаю, москали – это бандиты какие-то, вроде фашистов. В конце пионерской смены ко мне подошли ребята, с которыми мы сдружились. Они все говорили на украинском, но это нам не мешало общаться.

– Юрко, ты фэйный москаль, давай мы тебя научим гово-

речь «паляница».

– Зачем?

– Наши в лесу прячутся до сих пор. Если ловят москаля, то заставляют говорить «паляница». Москаля произносят «поляница», и их вешают на гиляке. А маланцы не могут сказать «кукурудза». И их вешают.

Научили правильно произносить «паляница». Боже, думал я, так это про убийства русских целый месяц рассказывал мастер разговорного жанра.

Ну я тогда не так думал по форме. Попроще. Это был 1963 год. Пятьдесят лет до декабря 2013 года.

Прошло много лет, мы ещё ходили в походы по Карпатам. Перед Афганистаном (у нас всё делится на «до него» и «после»). Мы с женой Леной прошли маршрут по горам Браты в районе Драгобрата. Поставили палатку на заброшенной лесопилке и поднимались на полонину, за черникой. А в это время к нам в палатку приходил медведь за сгущёнкой. Натуральный обмен: мы брали у него ягоды, а он у нас сгущённое молоко. Погрыз открытую банку и шерсть свою оставил. А ночью приходил рычать у ручья. Может, спасибо говорил за молоко. И филин жутко ухал. Ему сгущёнки не досталось. А Лена прятала чернику, чтобы медведь не слопал наши ягоды. Карпатский медведь на людей не нападает. А чернику ест. Но всё равно страшно.

Вот мы идём с рюкзаками по селу в горах. Навстречу идут пионеры из школы. В сёлах принято здороваться. Сейчас

увидим пионерский салют? Да, пионеры поравнялись с нами и поприветствовали: «Слава Иисцу! (Иисусу)». Мы знали, как отвечать: «Во вики слава!» Вот ещё один отстал от группы: «Славься, Хрест!». «Во вики слава!» Это в 1941 году нацисты изменили традиционное приветствие, чтобы было похоже на фашистское: «Слава Украине – героям слава». А незалежные националисты в 90-х годах подхватили все фашистские речовки и приветствия.

В 2014 году знакомой учительнице, которую все ценили и уважали, звонит бывший ученик, уже пропитавшийся национализмом: «Слава Украине». Она молчит.

– А почему Вы молчите?

– Ну, если со славой Украине я ещё могу как-то согласиться, то герои, о которых идёт речь, вызывают большие сомнения. – Бросил трубку.

Это я отвлёкся от Карпат.

Мы по тому же маршруту уже с детьми прошли после Афганистана. В первый год после войны. Тогда по привычке искал на тропе оттяжки мин из тонкой проволоки. Вспомнил, как майор Пономарёв, командир мангруппы Кара-Калинского погранотряда шёл по горной тропе и наступил на самодельную мину нажимного действия, услышал металлический звук, всё понял, так и замер на ней, боялся двинуться. Выкопали её из-под ноги, оказалось, что батарейка разрядилась и контакты заржавели. А ноги после этого не шли, как у парализованного. Первые шаги руками их передвигал.

И фонариком в походе я мигал по привычке, а не светил постоянно. Посмотрю, куда идти, и выключаю. Додумался один боец включить фонарь и стирать в арыке вечером. Пуля прилетела в фонарь, повезло. Прапорщик Касмынин решил светить фонарём на вытянутой руке на уровне плеча, чтобы промахнулись. Мы смеялись, что будут стрелять не в анфас, а в профиль. А солдат на пянджском направлении чуть не бросил курить. Закурил ночью на посту. Пуля попала в сигарету, выбила зубы и вышла через щёку. Не бросил курить. А ещё пара сантиметров – и бросил бы.

Опять я о своём. Продолжу о Карпатах.

И вот нам уже за пятьдесят. Но мы хотим себе что-то с удовольствием доказать. Мы всю жизнь пытаемся себе что-то доказать. Вспомнил. В Хорватии на пляже пацаны прыгали с пирса в море. Неспортивные, прыгали, как сосиски в кастрюлю.

Думаю, а я покажу одесский шик. Всего сорок лет назад я такие сальто крутил в прыжке. Это мне раз плюнуть. Разбегаюсь, делаю сальто. Не докрутил. Плюхаюсь, как жаба, даже хуже, спиной. Жаба, точнее, лягушка как раз неплохо в воду прыгает. И боль в пояснице. Пришёл к Лене за сочувствием и массажем. Получил только массаж.

Но зайти на Говерлу с северной стороны, откуда люди не ходят, это же не сальто! Это доказательство ещё не прошедшей молодости.

Машину оставили у местных жителей во дворе, поднима-

емся вверх по дорожке вдоль горной речки. По знакомым местам. Родник с минеральной водой – на своём месте. Вон там, за поворотом, был приют, сейчас – развалины приюта. Там пели песни под гитару туристы со всего Союза. И мы с товарищем по Высшей школе Колей Амуровым ночевали там, когда на каникулах делали зимнее восхождение на гору с альпинистами из Пензы. Ещё в походе ночевали в колыбе – доме пастуха, который топится по-чёрному, с огромной дырой в потолке, куда уходит дым. Когда гаснет костёр, в этой дыре видны огромные звёзды, но становится очень холодно. Ночевали по трое в спальном мешке. Два мешка состёгивали змейкой в один. Мы с Колей взяли к себе альпинистку. До утра я ей надышал на волосы затылка огромную сосульку. Мороз был 25 градусов.

А дальше – большая площадка, остатки навеса. Там ставили много палаток на сборах туристов. Я там был летом инструктором у десятиклассников. Повёл их в горы. Было трудно. Девчонки терпели. А парни – двое совсем расклеились. Кричали, что приехали сюда отдохнуть, садились на землю и не хотели идти. Стыдили их с девчонками, и даже немного пришлось попинать. И нагрузить на себя три рюкзака. Один свой, один слабенькой девочки и один пацана. Потом даже сердце болело. Или не сердце.

Навыки на службе пригодились. Моей жене Лене нравится фотография, (она её разместила на обложке моей книжки), где я потный на привале по пути к отдельному посту на

памирском участке Афганистана.

Там говорили: «Дойдешь вон до той арчи – лёгкие выплунешь!». Высокогорье. Однажды поиграли в футбол на высоте за три тысячи, потом никто не спал. Сердце колотится, не успокаивается.

И вот мы идём всё выше, по забытой дороге, где только старенький УАЗик как-то проезжает один раз в день за молоком на горную ферму.

Высоко забрались на ночёвку. Вокруг грибы. Много грибов. И все без единого червячка. Червякам лень тащиться так высоко за грибами. Они не туристы. Внизу тоже есть грибы. Сварили грибной суп в котелке. Лапша и прочие ингредиенты потерялись среди массы грибов. Но было вкусно. Ещё и коньячок для согрева. Тишина. Там, вверху – цель нашего похода, вершина Говерлы.

Вот и лес кончился, вверху только горные луга. Брусника, черника под ногами. Ноги идут всё тяжелее. Но идут. А там, возле вершины, бегают какие-то насекомые. Ба, да это же люди! Там проложили с южной стороны дорогу для туристов, которые подъезжают на машинах почти до самой вершины. Им остаётся пройти метров восемьсот. Они с удивлением наблюдали, как по склону поднялись двое совсем уставших, с большими рюкзаками. Но мы дошли до самой вершины. Дорога к цели была славной. А сама цель? Вершина нам не понравилась. Стоят на ней какие-то кресты, зубцы, колокольчики. Всё засыпано битым стеклом: восхо-

дители пьют шампанское и разбивают бутылки. Ушли с высшей вершины Украины назад в дикую природу. Где чистые ручьи. Мало приключений? Так вот вам дождь. Сильнейший дождь в крайнюю ночёвку.

А снаряжение китайское. Мы даже два надувных матраса тащили с собой. Китайских. Китайская палатка стала пропускать этот ливень. Я ворочался, как медведь. Раздался странный звук. Это у матраса внутри лопнули перемычки, которые помогают держать ему форму. Матрас превратился в толстую колбасу, на которой не удержаться, как её ни обнимай. А под «колбасой» лужа натекла. Пол, в отличие от крыши, был качественный, воду не пропускал. Матрас Лены положили поперёк палатки, ноги на надувную «колбасу» и стали ждать утра. Утром собрали под дождём вещи, надели плащи. Рюкзак тоже был китайский. Всё отсырело, палатка тяжёлая. Лопнула лямка рюкзака. Тащить его на одной неудобно. Связали верёвкой. Всё под непрекращающимся ливнем.

Быстрым шагом вниз. К селу. В машине обсохнем.

В машине переоделись в сухое, включили печку, стало совсем уютно. Надел наушник от телефона, вернулись в цивилизацию. Ну, подумаешь, когда мы остановились пообедать в придорожном кафе, я его в украинский борщ уронил, но это совсем не потеря. Не потеря для цивилизации. Забавная точка путешествия. Взошли. Доказали. Коленки болят. Как ещё одно доказательство и как память.

Пусть сохраняются эти горы, и леса не станут «кругляком».

Это природа. И мы тоже были её обитателями.
2018 г.

Бессонница

Обычно сразу засыпаю и даже удивляюсь, как это люди не могут заснуть. А тут проснулся среди ночи и начался поток неконтролируемых мыслей. Ну вот, сейчас, думаю, они запутаются, и я засну мирным сном. Вон Лена, лежит, спит и в ус не дует. Странное выражение, только для мужчин подходит. Ни во что не дует, спит. А я мучаюсь, придумываю, как подписать свою книгу знакомому. Да, он не будет её читать, ему некогда, и книг, видно, не читает. Уже лет десять. А вот его тёща – человек читающий. Написать сразу «для тёщи»? Получится, ты сам недоразвитый, ничего не читаешь, дарить тебе подставку под горячий чайник не хочется, так пусть тёща прочтает, ей понравится. А если красиво назвать тещу «мамой жены»? Так, долой знакомого, его жену и мать её. Надо подумать о белых песках пляжа на Варадеро, что на Кубе. Тепло, красиво. И заснуть. На Кубе, на Украине. В Украине, в Кубе. Куба – остров. А Украина – ещё нет. Ров не прокопали до конца. Подумаем о пляже. Стой, мысль, куда лезешь на Украину? Иди на пляж! Там и усни! Мысль пищит, сопротивляется и лезет, куда её не звали. Ещё не хватало, в Афганистан поползёт, будет там по Куфабской долине блуждать. А как кубинки танцевали! У них и фигура для танцев, что спереди, что сзади. Вот, вырулили с кубинками на правильную дорогу, сейчас с ними и заснём. Идём цепью из гор

Афганистана на пляж. С танцующими кубинками. И тут тёща с другом начали диктовать подпись к книге. Уймитесь, я с кубинками на пляже Варадеро! Они танцуют, а я почти сплю. А вот и Лена услышала, что я ворочаюсь.

– Ты что, не спишь?

– Представь, не могу уснуть, придумываю надпись на своей книге для подарка.

– Подумай о чём-нибудь другом. У нас вечером от дождя размокла основа зеркала, что висело на сарае. Зеркало выпало в снег и не разбилось. Только ты не думай о том, из чего сделать новую основу для этого зеркала. Это я тебе просто так сказала.

– Ну спасибо, удружила. Как китайский философ предложил ученикам не думать про жёлтую обезьяну целый день.

Лена посмеялась и заснула. А я стал думать, из чего сделать основу уличному зеркалу, чтобы не размокало. Влагодостойкая фанера? А чем закрепить, чтобы надёжно? Да пусть оно себе размокнет совсем, я полетел на пляж, кубинки ещё там, танцуют. Под тихую музыку. И под тихий храп. Ну да. Она заснула и тихонько так сопит или храпит, потому что спит на спине. Перевернуть на бок? Так разбужу, и она тоже начнёт думать про зеркало. Пусть спит. А я поваляюсь на белом песочке, на пляже. Небо синее, песок белый, море ласковое. Кубинки танцуют. Улыбаются. А её нос храпит. Берёт меня и возвращает к реальности. Тихо так, сопит или храпит. Обычно не мешает. А тут... Опять тёща с книгой...

Нет, пойду я в другую комнату. Там большая кровать для гостей. На ней спит кошка. Я пришёл со своей подушкой. Устроился. Кошка проснулась, подошла ко мне, уютно улеглась мне под бок и замурлыкала. Вот это другое дело. Теперь на пляж. Или в детство. И заснуть. Вот кошка уже заснула. Перестала мурлыкать. И захрапела. Тихенько так, сопит или храпит. Мешает. Что, разбудить её? Если ты не спишь, так и всему миру утро? Почему мы спим в самолёте, когда режут моторы, а не можем спать, когда храпит кошка? Об этом стоит подумать. Куда это мы летели? Стал вспоминать, куда мы летели. На самолете, на ковре-самолёте... Заснул!

И вам всем спокойной ночи. Учитесь управлять своими мыслями!

2021 г.

Город Находка

Я там родился. Если бы не обычный деревянный стул, я бы родился в другом месте. Расскажу всё по порядку.

Отец служил на пограничной заставе возле озера Ханка заместителем начальника. Однажды у них случилось мелкое происшествие.

– Давай, Семён, скроем этот случай. Могут наказать, а мне очередное звание получать, – предложил начальник заставы, который был моложе отца.

– Нет. Врать и скрывать всегда гадко и кончается плохо: один раз соврётся – не будет доверия никогда. Я это видел много раз на войне. Правда всегда лучше. Даже если накажут.

Доложили о происшествии. Не наказали. Только поругали. А начальник заставы затаил обиду. Стал собирать «компрометирующие материалы» на своего заместителя и его жену. Сбирал полгода. Любой праздник изображался как пьянка на заставе. А выезд в соседнюю деревню – «оставление заставы без получения разрешения». Потом всю эту грязь передал в политический отдел штаба погранотряда. Приехала комиссия. Ничего подтверждающего кляузу не нашла, но объявила выговор. Для порядка. После отъезда комиссии начальник заставы позвал отца в канцелярию.

– Ну что, любитель правды, теперь будешь работать, как

я скажу? – Он сощурил свою крысину физиономию.

– Да, будем работать, – ответил отец, вставая и поднимая в руке стул, на котором сидел.

Начальник заставы очень быстро убежал из помещения. Но отец был тоже быстрый и достал его своим орудием справедливости. Несколько раз.

Комиссия с половины пути поехала обратно на заставу. Собирались судить. Собирались уволить. Но спасло то, что отец призвался в армию в 1939 году и всю войну прошёл старшиной. Только поощрения и награды. Потом краткие курсы вместо училища. Командиры тогда были фронтовые, поэтому его отправили служить на бесперспективную должность – начальником клуба в организовывающийся Находкинский пограничный отряд. А того типа потом уволили за что-то там, не знаю.

Пока не построились домики, в погранотряде мы жили в каких-то бараках. Там, где озеро Солёное соединяется с бухтой и по маленькому мостику проходили поезда со страшными шипящими паровозами. Это я потом их увидел и запомнил, когда мы с пацанами ходили на пляж, который рядом. Бараки старшая сестра помнит. А я их не помню. Меня туда привезли из роддома на военном ГАЗике, и не помню барачков и квартиры в пограничном городке. Первые воспоминания – о жизни в начальной школе № 14, где мама была директором. Там у нас была маленькая комната, где спали родители, и совсем маленькая комната, где спали мы с сест-

рой, и ещё меньше была кухня с печкой. Когда мы переехали в квартиру возле леса, в тех школьных комнатах, где мы жили, организовали «живой уголок». На моём месте стал жить филин в клетке. Его пограничники принесли: в школе учились дети из пограничного отряда и окружающих домов.

Наша комнатка была очень тёплая: из стены торчал угол печки, что согревала коридор школы. Мама к ней прижимала одеяло, когда укладывала нас спать, и оно становилось очень тёплым. Вся школа была очень тёплая, как это одеяло, а уборщицы добрые, никогда не кричали на детей за грязную обувь. А за чистотой обуви, рук и ногтей следили на входе в школу дежурные «санитары» с белыми санитарными сумочками через плечо. У того входа, где висели портреты Ленина и Сталина. А потом только Ленина.

Запомнил, как мы в воскресенье пошли в город на Пятачок. Это так район назывался. Навстречу прошёл взрослый дядька с женой и ребёнком.

– Здравствуйте, Нина Ивановна, – поздоровался он.

– Кто это? – спросил я.

– Это ученик, – ответила мама.

– Такой взрослый ученик? – удивился я.

Родители серьёзно объяснили, и я даже запомнил, что была большая война, и многие дети не имели возможности учиться в школе. Работали, помогали взрослым. А начальную школу оканчивали уже почти взрослыми людьми. Вот и этот человек тоже учился в школе. Теперь отслужил в армии,

работает, женился.

Потом маму ещё выбрали в горсовет Находки. Мы её перестали видеть в дневное время. Всё делали с сестрой сами. У нас было пианино. Сестра ходила через сопку в музыкальную школу. Чтобы было легче, мы усовершенствовали музыкальный инструмент: подписали чернилами все клавиши. Родители не совсем оценили наше рационализаторское предложение.

Больше всего мне нравился в школе Новый год. Там такую большую ёлку наряжали! И снежинки из ваты, приклеенной на нитки, и самодельные флажки, и гирлянды. Подарки всем.

И выборы мне нравились. Один класс делили фанерой на кабинки, в которых можно было играть. А потом музыка, буфет работал, и люди приходили.

Ещё праздник – это когда сестра уже стала совсем взрослой. Была девчонка, а тут её приняли в пионеры. По этому поводу был куплен торт, бутылки сладкой газировки «Крюшон», включена музыка на патефоне. А вечером папа пришёл со службы – повторили праздник.

А ледяные горки? Они были там везде, где ручьи стекали с сопки. Там катались на санках, на школьных портфелях (потом снег надо было быстро вытряхнуть, пока не растаял) и на любых подручных материалах. Я вот ехал на доске. В конце пути доска во что-то упёрлась, а мне в зад воткнулась целая щепка. Меня повезли в санчасть погранотряда, где щепку мне удалил добрый доктор с красивой фамилией

Соловьёв.

Что мы тогда ели? Папе паёк давали. Помню, дали большую банку селёдки. Открыли – а там красная икра. Мама отправила папу поменять банку: селёдка – это еда, а красная икра – баловство какое-то. Такие были понятия. Молоко брали у соседей через дорогу. У них была корова и интересная фамилия: Спичкины. И симпатичная худенькая девочка, моя одноклассница в первом классе. Они жили в финском домике на склоне сопки. Все домики там называли почему-то «финскими». Хотя, до Финляндии оттуда, что в одну сторону земного шара, что в другую, очень далеко. Блины, борщ, картошка, каша, макароны. На праздники все вместе лепили пельмени. Сестра пошла в магазин за печеньем, называлось «Лето», в форме маленьких гантелек. Мы между собой его называли «колотушками». Она попросила в магазине, чтобы ей дали колотушек. Продавщица сначала думала, что ребёнок шутит. Сказала, что колотушки дают родители. А один раз мама дала моей сестре-первокласснице, десять рублей (рубли новыми), чтобы она купила булку хлеба. Но она перепутала – попросила десять булок хлеба. Еле донесла. Булки дорогу закрывали. Приходилось останавливаться, отдыхать и намечать маршрут. Донесла. Сухари сделали. А всякие сладости – на праздники, больше на Новый год. Любой ребёнок тогда точно знал, что кисель можно не только пить, но и грызть. В брикетах. Сладость обычная – сахар колотый. Папа его брал в ладонь и раскалывал обрат-

ной стороной ножа. К чаю. Ещё можно было такой кусочек под кран и высасывать сладкую воду. И хлеб, намазанный маргарином или маслом и посыпанный сахаром. Это было очень вкусно!

Но мы верили в светлое будущее. Родители говорили, что жизнь становится с каждым годом лучше. А кто-то из учителей сказал, что при коммунизме озеро Солёное оденут в мраморные берега, и мы все будем гулять по ним в белых тапках. Жалко, что не случилось. Белые тапочки остались в прошлом.

И в Находку не хочется съездить. Жалко разочаровываться. Там теперь даже скалы Брат и Сестра, что синели вдали, превратились в место добычи щебня. Стоят, обглоданные рыночной экономикой. Как и все мы, братья и сёстры.

26.12.2000

Девушка с обложки

Чердак в старом доме. Это всегда немного музей. Мы купили домик с музеем. С чердаком. Тут всё очень правдиво. Никто ничего не прятал и не приукрашивал. Пыли больше, чем в музее. И экскурсоводов нет. Самому разбираться. Под крышей висят высохшие листья табака. Бывший хозяин дома курил. Два портрета Ленина. На гвозде, вбитом в балку, почти истлевшая гимнастерка времён Отечественной войны. Древние чемоданы. Народ много ездил по огромной стране. В отпуска. В командировки. Дед умер давно. Дом долго пустовал. Весь чердак заставлен рамками для ульев.

Мы уже забрали часть экспонатов чердачного музея. Старые ёлочные игрушки. Стекланные парашюты висели на нашей новогодней ёлке, призывая комсомольскую молодёжь в небо. И часы с кукушкой. Отдали мастеру, который смог их отремонтировать, найдя недостающие детали. Дорого, но отремонтировал. Идут. Почти точно. И кукушка поёт. Только «ку-ку» поменялось местами. У нормальной кукушки первое «ку» – более высокое, а второе – низкое. А у нас наоборот. Попробуйте покуковать наоборот, пока я рассказываю дальше. Если долго куковать наоборот, то время может пойти назад. И можно что-то изменить в прошлом. Попробовали? Получилось? У каждого есть что-то в прошлом, что хотелось бы переиграть. А если глобально, у судьбы нашего на-

рода? Да, обязательно, без сомненья, «ку-ку», дорогие друзья, мы бы были все умнее. Да ладно, не верю. Мы с чердака ещё не слезли. Экскурсия. Посмотрите направо. Там пачка журналов, в коробке, придавленной железякой от кухонной плиты с надписью «Завод Красный молот». Вытащим один журнал из середины. О чём расскажет экспонат? Внимательно наблюдает Ленин с портрета, как я вытаскиваю журнал. Вместе с вождём видим название. «Советская женщина». Номер 8, август 1977 года. Хороший был у меня год. Учёба в Москве, стажировка во Владивостоке, выигранные соревнования по самбо на спартакиаде, знакомство с будущей женой.

На обложке журнала – девушка. Чем-то похожа на всех знакомых девушек того времени. Не знаю, чем. Взглядом? Скрытой улыбкой? Скромной одеждой? Может быть, душевной чистотой?

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА

№ 8 • 1977

• ЗАКОН ЖИЗНИ НАШЕЙ • В ЗАВОДСКОЙ СЕМЬЕ •

АКТРИСА КИНО

НОВЫЙ ДЕНЬ КОНСЕЙСАУ МАТУШ

ДОМ НА МАЛОИ НИКИТСКОЙ • НА ГИМНАСТИЧЕСКОМ ПОМОСТЕ

• ПРИЕЗЖАЙТЕ В ЛУНЕВО •

ЗАПАХИ ЗЕМЛИ •

Фото 1

Принёс журнал домой, показал жене.

– Лена, скажи, чем она отличается от современных девушек с обложки журнала?

– Как минимум, у неё отсутствуют надутые силиконом губы. Через пятьсот лет археологи раскопают могилу современной женщины и будут ломать голову, что это за силиконовые детали лежат на черепе и скелете. Решат, что это предметы религиозного поклонения или украшения древних.

– Про предмет поклонения некоторых они будут почти правы, – согласился я.

Кто же она, девушка с обложки? Незнакомка. Сейчас во всех современных сериалах, заполнивших экран телевизора, героини – менеджеры, похожие на бездельниц. Или просто с непонятной профессией. Они постоянно что-то жуют, пьют и пытаются забрать или поделить между собой деньги и мужчин. С деньгами, разумеется. Это – фильм про любовь.

Мы же умеем читать. Вот и прочитаем, кто она. Артистка? Нет. Это свободная женщина Востока. Хакима Мамедова – «одна из лучших обмотчиц Бакинского электромашиностроительного завода». Комсомолка, активная общественница, учится на вечернем отделении института. Учит работать практикантов из училища. Как у неё сложилась жизнь? Будем надеяться, что хорошо. Я говорю о личной жизни, а не о жизни бывшего завода, бывшего комсомола и бывшего государства.

Листаем журнал дальше. Большая статья «По туристской путевке – всей семьёй». Туристская база «Лунёво», Костромской области. Лесной край. Река. Читаем, как отдыхали в Союзе. Хорошее питание, домики в лесу. Рыбалка. Походы пешие, велосипедные, на лодках. Для детей десяти-одиннадцати лет – однодневные походы. Учат ставить палатку, разводить костёр, ориентироваться в лесу по компасу и без него. Цена двадцатидневного отдыха – 105 рублей 60 копеек. Дорого. Только почти всё платит профсоюз. Остается заплатить 10–30 рублей.

Мы с Леной познакомились на турбазе в Терсколе. На Кавказе. Она за всю путёвку и проезд заплатила десять рублей. Остальное – профсоюз. Есть что вспомнить. А ненавистники нашего прошлого вспомнят про очередь за колбасой или дефицит туалетной бумаги. Они пришли на эту землю, чтобы пожевать колбасы и погадить. А вот и счастье для них наступило. Колбасы, хоть и сомнительной, но завались. И туалетной бумаги – хоть мозоли натирай.

Перевернём страницу. Вот! Тут «пропаганда». Пишет из Франции некто Колет П. Смысл письма: «Вы такие счастливые, что не знаете безработицы!». Она проработала 25 лет на фабрике, но фабрика мешала крупным трестам, и её разорили. Теперь все без работы. Но мы ей не верим! Мы уже видели фильм «Шербурские зонтики»! Люди во Франции продают пару зонтиков в день в магазинчике и живут красиво! Блондинок целуют. И мы хотим.

Вот ещё одна. Димфна Кьюсак. Из Австралии. Писательница. После поездок по СССР убеждала наших граждан, какие мы счастливые в семейной жизни! Нам ничто не мешает создавать семьи в молодые годы. Мы получаем квартиры, особенно после рождения детей, нет страха заболеть, стать безработным, не получить образование или не дать образование детям.

Вот пропагандистка! Мы же слышали анекдот, что в Австралии единственная проблема. Коалы болеют. Нам смешно! Других проблем там нет. А у нас нет коал.

Ну вот и у нас теперь капитализм. И ведь правду женщины говорили. Теперь мы знаем. Чуть-чуть поправим кукушку в часах, и всё можно будет изменить, вернуть всё хорошее вместо всего плохого. Вот только кукушку надо исправлять в головах, а не в часах-ходиках.

А эту статейку лучше и не читать. Маленькая такая. Об успехах «Аэрофлота». Воздушным сообщением связаны 3600 городов и посёлков страны. 100 миллионов пассажиров в год. Ни одна авиакомпания в мире столько не перевозила. Наши самолёты летают, точнее, летали в 90 стран мира. Наши. И придуманные, и сделанные нашими. До последнего винтика. Всё правда. Фильм «Мимино» помните? Вертолёт летит в горное село. Где прибыль? А он летит. Людям надо. Неправда? Правда. Сам летал в командировку в забытое село на Ан-2, кукурузнике. Недорого. Лена такими вкусными пельменями накормила перед полётом! Погода испортилась,

началась болтанка, воздушные ямы, кого-то тошнило. А я себе повторял: «Не отдам пельменчики, не отдам!» Не отдал.

Ищу вывод в конце журнала. Главный редактор есть. Тираж есть. «Первая страница – Хакима Мамедова, одна из лучших обмотчиц». А вывода нет.

Сами сделаете. Своей головой. А будет неясно – лезьте на чердак за другим номером журнала. Добывайте информацию из первоисточников. Это вам не мышкой щелкать у компьютера.

2019 г.

Изгнание духа

Он не любил комнатные цветы. Он об этом говорил жене много раз. Цветы стояли на подоконнике. Но ей нравились цветы. И цветы продолжали радовать глаз. Они цвели. А он умер.

Это началось, когда она ночевала у родственников. Явился дух мужа. Его никто не видел, но это был он. Дух появился ночью, очевидно, с ножницами или с острой бритвой. Может ли дух ходить с острой бритвой? Дух всё может. Мы с детства знаем. Вот даже такой старенький, из бутылки, дедушка по имени Хоттабыч. Шутки здесь неуместны. Женщина плачет. Два цветка были аккуратно срезаны под самый корень. Она сразу поняла, чья это работа. Он давно обещал это сделать, но не сделал.

Помолилась. Поставила в церкви свечку. Попросила духа уйти и не тревожить живых. Но он не послушался. Он и при жизни был упрям. И следующей ночью был срезан ещё один цветок. Стало страшно находиться в квартире. Не в старой бревенчатой избе, не в замке, где эти духи по ночам ходят шеренгами и колоннами в белых простынях с заунывными строевыми песнями. В современном доме! На шестнадцатом этаже! С лифтом! Духи не пользуются лифтом? Они пешком или просто проникают. Откуда проникают? Как с ними общаться? Нужны специалисты. А их нет.

А тут родственник Вова со своим другом. Готовы помочь. Смелые ребята. Могут пообщаться хоть с живым, хоть с мертвым. Назначить встречу или «набить стрелку» духу не просто. Поговорить по-человечески: мол, чего ты хочешь, зачем прицепился к цветам, пугаешь свою бывшую? Должен же иметь духовные понятия. Но знающие люди их научили, как поговорить с духом. Надо сесть лицом к зеркалу. Зеркало стоит на стуле строго на востоке (компас нужен). По бокам от лица, смотрящего в зеркало, должны гореть свечи (и этот инвентарь принести). Надо вглядываться в зазеркалье со всей силы, и дух появится. И главное: обрисовать свой стул кругом, а внутри круга начертить пентаграмму. Это просто пятиконечная звезда. Она отпугивает других «сущностей», которые тоже могут выйти из зеркала. Конечно, могут выйти! На запах пива, которым запаслись друзья. А кто такие эти «сущности»? На кого похожи? А вот как выйдут, вы и увидите. Разнообразных «сущностей». Представить трудно. Задрожите от страха.

Они долго таращились в зеркало (дверь в астрал), пили пиво, жгли свечи, звали духа. Но он испугался или пива не хотел и не вышел. Им надоело, пиво кончилось, захотелось спать, и они ушли домой, надеясь, что дух больше не явится. А он притаился в зазеркалье, а когда они ушли, бесшумно вышел из астрала, как ёжик из тумана, со своей острой бритвой и срезал ещё одно растение. Тут наш Вова пожаловался на духа своему старшему брату Серёже Котову.

Серёжа уже работал начальником службы безопасности и не верил в духов. Вова и Сережа – замечательные парни, родом из села Пожар Брянской области. Сергей был на родине. Село опустело. Заросли клёном огороды соседей, тех, которые спорили, ругались, где чей участок заканчивается. Теперь никого нет. Клёны, целая роща. Дома с заколоченными ставнями. И школа была. Та, где он писал сочинение на тему: «Кем я хочу стать». Кто космонавтом, кто артистом. А он написал, что хочет быть парикмахером. Такое увлечение. Учительнице было непонятно. Где они теперь – космонавты и артисты? А Серёжа решил уехать на работу в город. Пришёл на вокзал, сел на первый поезд. И поехал в Одессу. Интересный человек, в молодости был похож на артиста Куравлёва в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Приветливый, славный парень. Работал и крановщиком, и комбайнёром, и директором фирмы, и в безопасности. Везде на «отлично». Бездомных кошек устраивает, спасает, у самого четыре, чем и оправдывает свою фамилию. И стрижки делает своим друзьям и знакомым. Хоть и не космонавт. Могилу деда нашел на Курской дуге. О нём много можно говорить.

И вот такой человек решил побороться с потусторонней силой. Без зеркала, свечей и пива. Без страха. Он просто сел в кресло. С решимостью сидеть до утра в засаде. Часы пробили полночь. И вот в темноте появился дух. Нет, это была «сущность». Она склонилась к цветку и стала перегрызать его острыми зубами. Сергей включил свет. «Сущность» за-

металась и залезла в женский сапог. Да, это была большая крыса. Там она и погибла. Её погубила порочная любовь к цветам.

2019 г.

Клад

Я вам расскажу, как мы с Колей клад искали. Сколько романтики в этом слове! Пираты, море, острова. И клад. Сияющий, сверкающий, очень старый. Совсем ничей. Немного настойчивости – и он твой! Главное – узнать где, нанести на карту. И найти в свободное от работы время.

Мы тогда охраняли компанию, занимающуюся скупкой и продажей недвижимости. Девяностые годы, люди теряют работу, меняется образ жизни, уезжают в Россию, Израиль, Америку. Продаются квартиры.

К нам пришёл сотрудник фирмы, Сергей Николаевич. Он был взволнован, а глаза светились алчным блеском.

– Помогите мне найти клад. Мы всё поделим поровну. Надо только найти. Сам я не смог. У вас есть опыт и металлоискатели.

– Да это же наше любимое занятие! Делить шкуру белого медведя, гуляющего на просторах Арктики, или тайно пилить золотую гирию. Недавно огород копали родственнице. Очень глубоко. Не нашли. – Коля с недоверием улыбнулся.

– Здесь верное дело. Клад в квартире. А ключ от квартиры в кармане. И я не продам эту квартиру, пока не найдём клад!

– А почему Вы решили, что в квартире клад? Чей дух явился во сне и рассказал? Или старушка шепнула перед смертью? – поинтересовался Коля.

– Я сделал свой логический вывод. Совершенно явный вывод. Дом очень старый, но крепкий, кирпичный, из трёх этажей, стоит на спуске от Молдаванки к Пересыпи.

– Там жили люди, от которых после смерти оставались фотоальбомы, таблетки и велосипед, висящий на стене в коридоре, – предположил я.

– Нет, там до войны жили вполне зажиточные евреи. Во время войны их угоняли нацисты на уничтожение. Им говорили взять все ценные вещи с собой, но они не верили и прятали всё в тайники. В шестидесятые годы новый жилец соседней квартиры стал копать в нерабочей печи и нашёл коробку с золотыми украшениями. В нашей квартире тоже есть красивая изразцовая печь. И самое главное! Хозяева этой квартиры сумели спасти своих детей. Отдали кому-то, когда их гнали по городу. Один из них приезжал два дня назад из Америки, я ему открыл квартиру, и он фотографировал печку и стены. Сказал, что брату покажет в Америке. Они были маленькие, но печку помнят. Ну, точно клад! В стене или в печке!

Глаза Сергея Николаевича уже отражали золотые кольца с бриллиантами. Это даже увлекало. Приключения с поиском клада! Конечно, не на островах Карибского моря. Зато и затраты небольшие. И мы согласились стать участниками экспедиции.

– Мне ничего не жалко в этой квартире. До продажи будет делаться ремонт. А печка будет убрана. Дымоход давно

завален, – объяснил Сергей Николаевич.

Утром следующего дня операция по поиску ценностей началась. Мы в рабочей одежде, с ломом, молотками и металлоискателями были у старого кирпичного дома. Сергей Николаевич повёл нас в фойе этого «театра». Тёмный подъезд. Узкая ржавая винтовая лестница на третий этаж. Зашли в квартиру. Да, именно в такой квартире должен быть клад! Кажется, что на многие десятилетия здесь остановилась жизнь. Старинные шкафы. На шкафу – древний плетённый чемодан. Комод в комнате с резными шарами по бокам. Мраморная ванна. Над ней – медный кран, работающий, со штампом «1905 год».

– А можно забрать комод себе в гараж? – поинтересовался Коля.

– Можно и ванну в придачу, если придумаете, как их вытащить по винтовой лестнице, не распиливая, – ответил Сергей Николаевич.

И в этой обстановке начались поиски клада. Металлоискатель работал практически на каждом метре. Дом очень старый. Видел всё на своём веку. Пули и осколки снарядов во внешних стенах. Многократная электропроводка, гвозди и куски железа во внутренних стенах. Вот делал рабочий кирпичную кладку и замуровал кусок обруча от бочки. А мы всё это воспринимаем как тайник.

– Пора искать в печке. Главное место, где должен быть клад, – предложил Сергей Николаевич.

Мы с Колей с двух сторон сурово надвигались на печку.

– Жалко, красивая печка. Такие изразцы сейчас не делают. Разобрать бы её, – сказал хозяйственный Коля.

Мы попробовали разбирать. Всё очень крепко. Не получилось. Металлоискатель поторапливал нас, показывая, что клад внутри. И в дело вступил лом. Печка не сдавалась. Защищаясь, она окуривала нас вековой копотью. Такой лёгкой и жирной. Очень быстро мы превратились в трудящихся негров средних лет. Или афроамериканцев, говоря современным языком. Мы ждали, что вот-вот сверкнёт золото в тёмном облаке копоти. В наших светлых глазах на чёрных шахтёрских лицах светилась надежда. Сергей Николаевич в своём офисном костюме убежал на кухню, откуда и контролировал работу партнёров. Он ждал появления золота. Два негра промывали породу на его участке. Золотая лихорадка ещё трясла.

Когда немного осела пыль, а голова уже пролезала в печку вместе с фонариком, клад был найден! Он стоял в обычном мешочке на полочке внутри печи. Металлоискатель показывал, что в мешке много драгоценностей! Хватит на всех! Ура!

Мы вытащили мешок. Внутри звенело несколько килограммов. Будем делить! Притащили на кухню. Развязали тесёмку. Высыпали на стол. Золото, драгоценные ювелирные изделия, часы, табакерки и портсигары!

Нет, жизнь прекрасней и проще. Высыпались кованые

гвозди, четырёхгранные гайки, какие-то железные пластины, куски ржавых цепей.

Это наш клад. Дуракам везёт. Им то клад, то скатерть самобранка. А нам труд, который делает из обезьяны человека. И за это надо поблагодарить Бога.

Алчный блеск в глазах потух, а лица были помыты в мраморной ванне под краном 1905 года. До следующего клада.

2019 г.

На воре шапка не горит

Я тогда уже уволился. Работал с китайскими врачами – иглоукальывателями. Но навыки работы в контрразведке не пропали. Как у агента 007, Бонда. Знаете, он так проходит мимо машин и фотографической памятью всё запоминает. И я ещё в расцвете сил, хоть и уволился в запас. В то время страна растрывькала все запасы. И этот тоже. А мне говорили: «Ты наш золотой запас, с китайским и английским языком»! А вы видели, какие у Джеймса красивые зубы? И у меня тоже. Особенно два передних. А с коренным возникла проблема. Вот я и направился к зубному врачу. Он тогда принимал клиентов в одном из санаториев. Санаторий еле дышал в объятиях приватизации, вот и сдавали в аренду помещения.

Я подъезжаю на своём автомобиле на стоянку ко входу в санаторий. Повесил замок на педали – это было такое противоугонное устройство. В музее можете посмотреть. Надел свою ондатровую шапку и иду в фойе санатория.

Там достаточнолюдно. И вдруг я ловлю на себе взгляд, который я не перепутаю с другим. Взгляд неквалифицированной слежки. Вот на Камчатке я участвовал в учениях в роли шпиона. За мной следили профессионалы наружного наблюдения и обычные оперативные работники. Работников сразу видно по взглядам, движениям, поведению. А профес-

сионалы, помню, двое в грязных рыбацких сапогах, не видны, пока не начнёшь их специально провоцировать.

А тут беглый взгляд, и спрятал глаза за длинный козырёк грузинской кепки.

Но я же почти Джеймс Бонд! (Когда смеёшься над собой – так есть своё преимущество. Никого не обидишь.) Да, я заметил. Теперь включим аналитическое мышление. Зачем я ему? Тело на органы разобрать – вряд ли. Значит, интересно или моя машина, или моя одежда. От машины за мной он не следил. Слежка с упреждением для бандюков или воров – это высший пилотаж, не верю. Значит, он увидел мою одежду. Куртка – обычная. А шапка – большая, ондатровая. Этих зверьков настреляли мои сибирские родственники, когда отец ездил туда на охоту. Там же и шапку сшили. И вот эту ценную шапку я сейчас повешу в кабинете зубного врача, прямо у входа.

Они дождутся, когда я буду сидеть с открытым ртом, с работающей электродрелью стоматолога во рту. Тут в открытую дверь просунется длинная грязная рука, возьмёт мою шапку и унесёт в вечность. А я даже вслед выругаться не смогу с открытым ртом. Можно будет только ещё шире открыть, но шапка уже уйдёт.

Вот, я их вычислил. Не только наблюдатель, но и аналитик! Возвращаюсь к машине. Бросаю туда свою шапку, закрываю автомобиль и иду опять в здание. Прохожу мимо слежки, помахал ему рукой. Он не понял, что это ему, и стал

озираться вокруг.

Довольный собой, я сел в кресло к врачу. Он мне поставил пломбу за 20 минут. Я иду к своей машине. Машина открыта. Шапки нет. Инструментов нет. Китайских словарей нет – вот это очень жалко. И бензин слили. Тогда была проблема с бензином. Я их недооценил. Стою, побитым Бондом. Так и надо ему, проклятому американскому шпиону! Позвонил домой жене Лене. Она на такси привезла мне из гаража канистру с бензином. Позвонили в милицию. Нам ответили, что бензина нет, чтобы выехать на место преступления. На этом всё и кончилось. Такое было время. Начало девяностых.

2019 г.

Любляна

Вы не путаете Словению со Словакией? Тогда поедем в маленькое путешествие, в Словению. Это такой осколочек большого государства – Югославии. А наш путь – в самую его столицу. Любляну. Сначала мы с Колей летели из Одессы. На самолёте авиакомпании «Малев». В самолёте нам дали очень большой бутерброд с ветчиной и сыром. И самолёт был большой. И булка большая, но меньше самолёта, ветчины и сыра мало. В Будапеште пересадка на рейс в Любляну. В аэропорту к нам подошла старушка. Такая сухонькая, но стоит ровно, следит за осанкой, как балерина.

– Мальчики, вы, слышу, на русском разговариваете. Вы из России?

– Мы из Одессы.

– Значит, вы мои соотечественники. Помогите мне найти нужный выход на посадку.

Мы посмотрели на её билеты и повели старушку по указателям.

– Вы из России? – поинтересовался Коля.

– Я живу очень долго во Франции. Но паспорт Российской империи я сохранила. – Она показала нам дореволюционный документ с двуглавым орлом.

– О, это музейная ценность! – удивился я.

– Я сама, мальчики, музейная ценность, – улыбнулась на

прощанье старушка.

Мы пожелали ей счастливого пути и пошли искать свои ворота на посадку. Нас так в школе учили, что «gate» – это ворота или калитка.

Дальше летели на маленьком самолёте той же компании «Малев». Нам дали маленький бутерброд с маленьким кусочком ветчины и сыра. Но у нас ещё тот большой, с большого самолёта, хранился колобком в желудке.

Прилетели быстро. При посадке стали искать глазами огромную европейскую столицу. Увидели аккуратный городок, вокруг – поросшие лесом небольшие горы и холмы.

Нас встретили. Отвезли в отель с говорящим названием «Домина». Вот Московский университет – домина. А отель – просто большой дом. Это был 2008 год. Нас пригласили наши российские партнеры принять участие в организации системы охраны и безопасности на приобретённых ими заводах. Приятно. Где там наши бывшие начальники, что требовали переписывать заново планы и рапорта? В домино играют, сторожат автостоянки? А мы в Любляне.

Итак, мы в Словении, которая недавно вступила в Евро-союз. Вот и посмотрим, как народ радуется этому событию, к которому так стремится Украина.

Для начала, когда уже мы забыли про большой бутерброд из большого самолёта и отдали собачке маленькие, что прихватили с собой из маленького, нас пригласили в ресторан. При входе в ресторан стояла большая корзина с белыми гри-

бами. Шляпки потыканы ногтями. Мы тоже пощупали грибы, слишком нарядные для натуральных. Нам объяснили, что грибы приносят каждый день с тех лесов, которые мы видели из самолёта. Грибной суп в ресторане. Грибов много, суп густой и налит в булку хлеба вместо мякиша! Сверху крышечка из хлеба. Порция большая! Значит, наши люди, с общими славянскими корнями в прошлом! Это в Швейцарии приезжают на общий пикник со своей порцией колбасок. Каждый для себя. А тут – почти наши. Кормят по-нашему.

Я пишу не про работу, а только о впечатлениях после работы. У нас были ещё два дня на чистый туризм.

Вот центр города, где маленькая речка, мостики через неё. Продают сувениры. Мы подошли посмотреть. Коля взял сувенир в руки.

– Камень? – спросил меня.

– Камень, камень! – обрадовался дед. Ему приятно, что у нас в языке одинаковые слова.

– А это дерево?

– Древо, – улыбнулся старик.

– Коля, ты заметил, что здесь люди радуются, что у нас общие слова в языке? А на Украине сейчас, наоборот, националисты хотят, чтобы было как можно больше отличий. Особенно не повезло вертолёту, который был и «веротолитом», и «гвинтокрылом», и «геликоптером». И пылесосу, который в одном магазине был с табличками «пилосос» и «Прахосм-октач».

– Да и мы радуемся, когда у девочки в кафе заказали «Coffee with cream», а она передала своей помощнице: «Kavу со сметаной». Всё проходит. И национализм пройдёт, – ответил Коля.

Идём дальше по центру города. Впереди сцена и какое-то оживление. Там проходит сомнительный конкурс. На сцене стоит маленький красный автомобиль «Дэу Матиз». Его целуют девушки и парни. По условиям конкурса автомобиль достанется тому, кто дольше будет его целовать. Мы видели, как парень и девушка в полубморочном состоянии продолжали поцелуи красного автомобильного кузова на следующий день. Так и хотелось сказать: «Что же вы делаете, братья славяне?» Прижимают вашу гордость глобальным кошельком. Хотя, как туристы, мы должны восторгаться всем увиденным.

Повосторгаемся.

Вот знак над входом в сквер. Перечёркнутый велосипед и надпись: «Не колесовать». Мы взяли напрокат велосипеды, «поколесовать» по Любляне. Дорожка для велосипедистов покрашена красным цветом, и её никто не занимает. Велосипедистов много. На холме замок. Потацили на себе велосипеды по тропе. Круто. В старом смысле этого слова. Но мы не отступили. Мы же бывшие военные. А хорошая дорога к замку оказалась с другой стороны холма. Мы по ней спустились. Красивый тихий город.

Пужинали в китайском ресторане. Китайцы и в эту стра-

ну проникли. Как без них. Сдали велосипеды. Ехали в гостиницу на такси. Таксист – бывший одессит. Женат на местной.

– Что Вас больше всего поразило в стране? – поинтересовался Коля.

– Вы удивитесь, но я сделал в квартире ремонт и хотел выбросить мешки со строительным мусором в обычные отходы. Так дома все возмутились, что у них так нельзя делать, надо вызвать и оплатить специальную машину для строительного мусора!

– Как улучшилась ваша жизнь после вступления в Евро-союз? – поинтересовался я.

– Ухудшилась. Цены относительно зарплаты выросли. Рынки, где было всё дёшево, исчезли. Только супермаркеты. И совсем маленькая частная торговля, которую ещё не задушили гиганты.

– Так вы можете теперь свободно ездить в Европу.

– У кого были на это деньги – те и раньше свободно ездили туда, а у кого нет денег, так те не поедут.

Такой же ответ я услышал и от рабочих завода, которым сказал, что они могут теперь поехать заработать до трёх тысяч евро на немецких заводах.

– Там огромная очередь из турков на такую работу. Ещё нас там не хватало!

А нам тогда это всё было странно слышать! В то время украинские политики рассказывали нам такие сказки про чудеса евроинтеграции!

И только в нашем отеле «Домина» парень, подносящий чемоданы, сказал, что со вступлением в Евросоюз стало больше дорогих чемоданов и чаевых! Он доволен.

Опять я сбился с темы туризма. Тогда ещё ходим в казино. Тут на первом этаже. По одному разу сыграем. Проиграем копейки. Посмотрим, как немец в джинсах покупает фишки на свежую бумажку в пятьсот евро. И всё проигрывает. Получает от этого удовольствие. Доставляет ещё большее удовлетворение работникам казино.

Пора собирать вещи. А вещей нет. Только ручная кладь. Может, ещё приедем. Обязательно в сезон белых грибов. Они там после летних тёплых дождей такие большие вырастают, что можно с самолёта увидеть. Если очень низко пролететь. Над теми местами, где они растут вокруг города. Сразу видно будет. Полетим.

2021 г.

О чём песня?

Совсем старенький музыкальный инструмент, он достался от мамы. Гитара. Потом гриф от неё понадобился для электрогитары. Мы сделали красивую, с рогами, пластиком обклеили. Но это потом. В девятом классе. А тогда по вечерам звенела гитара во дворе. И захотелось научиться. До этого с первого класса и до пятого меня пытались в музыкальной школе приучить к пианино. Мама всё повторяла, что вот повзрослеешь, поумнеешь и поймёшь, и понравится. Не сложилось. Поумнел, но не повзрослел. Или не понял. Ушёл в спорт. Там таким место. О пианино остались воспоминания. Весна, тепло, во дворе пацаны в футбол играют. А я учу этюды Черни. Я представлял, что это этюды-черви. Недоучил, а потом бреду за своей тройкой в музыкальную школу. А ещё так называемые академконцерты. Собираются учителя с ручками и бумагой, сидят за спиной, и в паузах ты слышишь, как скрипят карандаши. Это они пишут, какой ты козёл в музыке. Или благодарственные стихи сочиняют? И оценку ставят. Четвёрку с минусом. С длинным минусом. Им моя музыка была убога и безразлична, как и мне.

А гитара – другое дело! Её слушали и девочки, и мальчики. И песни разные звучали. И тюремные, и приличные, студенческие. Показали аккорды. Нарисовал их на бумажке, научился брать. И вот в седьмом классе изобразил родителям

первую песню в духе рок-н-ролла. Про чемоданчик, набитый какими-то планами. И припев был что надо: «Идёт скелет, за ним другой, а кости пахнут анашой»... «Анаша, анаша, до чего ж ты хороша»! Родители были удивлены. Но не обеспокоены. Я увлечённо занимался спортом.

Потом появились другие песни. Печальные. «Где же тебя отыскать, дорогая пропажа»? – спрашивалось в одной. Да ясно где. Прошляпил, пока сидел в печали. Она теперь стала «чьей-то верной женой». И этого печального очень расстроили оба обстоятельства. И что чужая, и что верная. Никаких вариантов. Или: «А ты опять сегодня не пришла». И тут важно, чтобы никто не заорал: «Широкая и плоская, как рыба камбала». И неправильное ударение на последний слог. Романтический образ скомкан. А там же ещё дальше: «Перчатки снимешь прямо у дверей и бросишь их, пройдя, на подоконник». После «пройдя» я старался сделать паузу. Чтобы никто не подумал, что она прошла на подоконник, как кошка с улицы грязными лапами. Вытирай потом.

А ещё одесская лирика. Типа, про рыжего паренька, который ездил в Херсон за арбузами. Морем. На самом деле «арбузов он там не покупал, лазил у прохожих по карманам». Я не понимал, зачем на челноке с парусом плыть в не очень благозвучный город? Что, в Одессе карманов не было? Или здесь было очень много воров и мало карманов, всем не хватало? И девушка «его ждала у причала в платье тёмно-синем». Не причал в платье. Девушка. А он её обманывал. Ар-

бузов не давал. Рыжий урод. Но девушки таких и любят.

А вот и Высоцкий зазвучал. После фильма «Вертикаль». Захотелось в горы с гитарой. С друзьями. «Там поймешь, кто такой». Каждый верил, что он не «раскис и вниз», каждый надёжен и суров. Слова песен переписывали друзья. Вот один дал мне слова «Пародии на плохой детектив» Высоцкого. Там был текст, про шпиона: «И не ведал, дурачина, что кому всё поручил он, был чекист, майор разведки и прекрасный семьянин». Но почерк был ужасный. Слово «чекист» я так и не разобрал. Там явно читалось «геклай». Я решил, что это фамилия майора разведки. Всякие бывают фамилии. Вот и Геклай. Так и пел. Потом услышал на магнитофоне правильный вариант. А через много лет жизнь так сложилась, что на службе я встречал и настоящих чекистов, и конченных геклаев.

А после Высоцкого много песен было интересных: Визбора, Круппа, Кукина, Кима и других бардовских. Песни Окуджавы переделывали на более живую мелодию. Стихи хорошие. Но когда он начинает нудно «зарывать виноградную косточку в землю», то кажется, что он её хоронит. И все песни в такой же манере. Может, у него что-нибудь болело?

А военные афганские песни услышал в Афганистане. Сидели в землянке. Кто-то принёс магнитофонную кассету. Было приятно, что о нас помнят, про нас поют. «Этот мир без тебя, просто голые скалы». Да, посмотришь вокруг – одни скалы. «Здесь душманские «Буры» стерегут перевалы».

Ну правильно. Вон там перевал и тропа в Пакистан. Не только «Буры» – старые надежные винтовки, – но и минометы, и американское безоткатное орудие. «Этот мир без тебя всё же полон тобою», – тоже правильно, мысли о любимой, о семье всегда с тобой. А там все чувства обостряются. «А декабрь тут синий, руки стужей вяжет». Вот про блох и вшей ничего не написали. Ну и правильно. Душевные песни, правдивые. Для своих не соврёшь. Потом начали писать о войне кому не лень. Ложь закралась. Бездушие.

Теперь появились песни про Донбасс. «Когда война на пороге. Русские своих не бросают – это закон», – поёт автор Александр Скляр. Он так хотел думать. Но через пять лет войны можно уже сделать ораторию на эту песню. Чтобы солист пел «русские своих не бросают», а хор подпевал: «Бросают, бросают, бросают»!

Это краткий рассказ о песнях. Всё поймёт тот, кто знает пароль:

«Порвался пассик». Это значит, что «битлы» больше не поют, танцы прекращаются. Надо заменить пассик. Где он обитает? В магнитофоне. Как объяснить современному молодому человеку, что это? Ну, типа, компьютер завис. Если совсем чел продвинутый, и ему приходилось открывать капот своего автомобиля, то там есть такая резиновая фигня, ремень называется, которая передаёт вращение круглым штучкам. Вот и пассик такой же в магнитофоне. Был. Так я о песнях? Да нет, о нашей жизни. Как теперь жить без пас-

сика? Порвался пассик.

2019 г.

Рыбки

Если человек долго молчит, то это раздражает. А аквариумные рыбки тоже молчат, но успокаивают. Для любителей монологов рыбки могут быть идеальными собеседниками. За молчание рыбкам надо отплатить кормом. Не только сухим, но и свежим. Он продается в Одессе на Староконном рынке. Валя в воскресенье там и купила целый пакет живых красных червячков. Их называют «мотыль». А Валя – секретарь в нашем отделе. И аквариум у неё на работе. Успокаивает. Там всегда есть от чего успокоить.

Вот она едет на работу на длинном желтом автобусе номер 148. Остановка. Народу много. В пятницу совсем было мало людей. Один даже бежал за отъезжающим автобусом, запрыгнул на ходу. Задыхаясь, спросил пассажиров: «Какой это автобус?» Ему сразу ответил один из одесситов: «Икарус!» С большой гордостью за производителя. Люди улыбнулись. Улыбчивое было то время.

А в понедельник много пассажиров. Один, симпатичный парень с усами, на джигита похож, стоит на ступеньках ниже Валентины. А второй подталкивает её в плечо. Неудобно, держаться надо. И тот, на ступеньках, джигит, тоже вертится. Как-то ненатурально. Валя посмотрела вниз и сразу заметила весь сюжет. Картина маслом! Тот красавец с усами, что на ступеньках, расстегнул её сумочку, шарил там рукой, залез

в кулёк с червяками, открыл и перевернул его. Ярко-красные червячки расползлись по всей её красивой сумочке, добавляя яркости в картину. Сумочка для любой женщины – это святое место. Почти как причёска. Её нельзя трогать даже близкому человеку, а чужому... Волна гнева стремительно нарастала в Валентине. Захватила её всю. Червяки ползают в сумочке! Вместе с воровскими руками! Она себя уже не контролировала. Очень беспечно стоял тот, что на ступеньках. Сумочка с червями была, видно, пятьдесят восьмого или шестидесятого размера. Хорошо налезла на голову джигита. Даже уши почти не помешали. Он что-то возмущённо мычал в сумке с червями. Потом всё-таки вытащил свою кучерявую голову. Точно, его размер. Сдувая красных червяков с красивых усов, под стук падающей помады, туши и прочих предметов, что хранятся в сумочках, он всё повторял: «Какая нехорошая женщина!» «Женщина какая нехорошая!» Пассажиры не поняли, что происходит. Остолбенели. А черви шевелились в его прелестных кучеряшках. Он их пытался вытаскивать пальцами. Но весёлые червячки падали за шиворот. Отряхивался, как собака, до ближайшей остановки, где воришки быстро выпрыгнули из автобуса. Бедные рыбки! Остались без свежего корма! Как они это перенесут? Как всегда, молча, успокаивая свою хозяйку. Они же рыбки.

2021 г.

Почём одесские пирожки

У него были большие карие глаза. И он был полковником милиции в нашем городе. Он уже прекрасно разобрался, от каких мелочей зависит карьера украинского милиционера. А тут авральная ситуация: в наш тёплый город Одессу приехал собственной персоной президент Украины по фамилии Кучма. Чтобы на него нападать – так он никому не нужен, но охранять его надо красиво. Он поедет по Французскому бульвару и должен видеть, как на каждом перекрёстке отдаёт честь милиционер в форме. А через каждые двести метров стоят два сотрудника в штатском. Они бдительно озираются, готовые грудями защитить главного человека страны. Вот так должно было быть. Но полковник опытный, знает, как бывает в жизни. Поэтому он поехал со своим заместителем раньше основного кортежа с президентом. И правильно сделал.

Вот въезд на красивый Французский бульвар. Много зелени. Тогда ещё почти все деревья были целы. На перекрёстке отдаёт честь сотрудник. Вид бравый. Вон возле деревьев стоят двое, демонстрируют предельную бдительность. Проехали ещё немного. Но что это? Большие карие глаза полковника стали совсем выпуклыми, как у пинчера, нет, ещё больше, как у Филиппа Киркорова. Двое в штатском, один длинный, другой короткий, стояли у дерева и поедали пирожки! Пол-

ковник остановил машину. Быстро, как молодой коршун, он подлетел к нарушителям. И, как птица, от возмущения не нашёл подходящих слов.

– Бросьте! – закричал он срывающимся баритоном, указывая перстом в стоящую рядом урну. Двое застыли с пирожками во рту.

– Немедленно бросьте! – повторил полковник свой приказ.

Первым опомнился короткий: до длинных всегда доходит дольше. Он не только бросил пирожки в урну, но и тщательно выплюнул то, что ещё не было проглочено. Затем пришёл в себя длинный и сделал то же самое.

– Шо, они отравлены, товарищ полковник? – спросил короткий.

– Я же говорил, надо было брать с капустой. А ты: «С мясом, с мясом!» – испуганно запричитал длинный.

От такой наглости опешил и полковник. Остекленел карими глазами.

«Это одесская наглость, – подумал он. – Какая наглость!»

– Вы у меня ответите дисциплинарно за эти пирожки! – закричал он, косясь одним карим глазом на дорогу, не едет ли уже Кучма, чтоб он скис.

– Нет такого закона, чтобы запрещал пирожки есть, товарищ полковник, – робко возразил длинный.

– Мы же не знали, что они отравлены, – поддержал его тот, что короче.

– Они ещё издеваются, – возмутился полковник. – Доложите немедленно, в каком подразделении трудитесь, разгильдяи!

– Сталепроволочный цех завода «Стальканат», – доложил тот, что длинней. И даже вытянулся, как в армии.

Полковник глупо хихикнул и зачем-то заглянул в пустую урну, на дне которой виднелись румяные пирожки.

– Давайте я вам оплачу четыре пирожка, – произнёс он странную фразу.

– Спасибо, не надо, – отозвались совсем растерявшиеся представители рабочего класса.

Полковник, нервно смеясь, запрыгнул в машину, и она рванула вперёд.

– Ты посмотри, там двинутых на всю голову больше, чем у нас на заводе, – сделал умозаключение тот, что длиннее.

– Давай лучше с капустой купим.

– Нет, расхотелось, лучше пива.

– Да, пиво не отберут.

На том и согласились.

2020 г.

Тигры появляются ночью

Кино. Самое обычное развлечение и событие в той жизни. Пригласить в кино – это начало знакомства. Это предмет для разговора, когда парень провожает девушку домой. Это своеобразный взаимный тест. Или им легко и весело вместе, или тяжело и нудно.

Для нас с Леной это уже было далеко не тест. Мы бежали в кино, явно опаздывали. Кинотеатр большой, московский, незнакомый нам.

Вбегаем в кассу, берём билет на фильм, который уже начался. На улице мороз, не идти же на прогулку по морозу. Фильм называется «Тигры появляются ночью». Заходим в зал, садимся. На экране ночь, аллея. По ней идёт девушка. Темно. Мы опоздали на самое главное событие. Я так думаю. Надо спросить у женщины, что сидит рядом.

– Скажите, тигры уже появлялись? – приглушённым голосом отправляю вопрос в темноту в сторону уха.

– Кроме вас никаких тигров не было. Вот вы появились и мешаете.

– А фильм давно начался?

– Да уже прилично.

– И тигров ещё не было?

– Может быть, вам надо в зоопарк, а не в кино?

– Не бойтесь, мы рядом. Тигры ещё появятся.

Мы стали смотреть и ждать тигров. Показывают любовные душещипательные истории. Вот парень, мясистый такой. Тиграм понравится. И девушка худенькая совсем. С большими глазами. Понимаю режиссёра. В этих глазах будет отражаться ужас.

Вот они гуляют по парку. Южная ночь. Целуются. Самое время появляться тиграм. Выжидает режиссёр. Нагнетает обстановку. Они появятся в самый неожиданный момент. Это же и ежу понятно.

– Лена, не пугайся, сейчас выскочат тигры.

– Да, я уже жду.

А может, это немецкие танки «Тигры»? Нет, тогда бы в кавычках написали. А тут всё натурально.

Вот и ещё одна ночь. Герои уже в постели. А тигров нет. Ну пусть только попробуют выйти на улицу. Тут им будет хана. Ну да, одеваются. Выходят. Тигров нет. Садятся на такси. Водитель немного похож на тигра. С Кавказа или с востока. Нет, не тигр. Вот и прощальный поцелуй. Конец фильма.

Обманули! Выходим из зала. Смотрим на афишу. В кинотеатре, оказывается, три зала. Мы попали не в свой зал. Смотрели польский фильм про любовь, а тигры приходили в другой зал. Да и ладно. Мы на них в цирке посмотрим.

2018 г.

Принцип падающего мела

Это было перед уроком математики. Подошёл ко мне друг Коля.

– Сейчас получу двойку. Не подготовился к занятиям, не сделал домашнее задание, не решил задачу.

– Да, в начале урока Пчёлка (мы так звали эту учительницу) проверяет домашнее задание, а списать уже не успеешь.

– А я ведь сегодня дежурный по классу! Давай выбросим мел, и я в начале урока пойду на первый этаж за мелом. Пока с четвёртого этажа черепашьей походкой дойду и вернусь – так уже закончится проверка.

Я взял мел и открыл окно. Внизу баскетбольная площадка, на которой ученики в это время играли в футбол. Я бросил мел на пустой участок поля, чтобы ни в кого не попасть. Но в это время туда покатился мяч, и обе команды бросились за мячом. Первый был у мяча самый быстрый футболист.

Ему в голову и попал кусок мела. Футболист забыл про мяч, резко развернулся и ударил кулаком в лицо преследовавшего его противника. Началась драка, к которой подключились обе команды. Появился преподаватель физкультуры, который разнял дерущихся. И обе команды не могли определить, кто кого первый ударил.

Про этот случай я вспомнил через много лет, когда стали происходить так называемые цветные революции.

Разработчики операций из специальных служб стали создавать и использовать подобные ситуации и стравливали людей для достижения своих политических и экономических целей. Что для этого надо сделать? Поделить население на команды, вывести их на улицу и попасть мелом в голову одного из участников процесса. Вместо мела у них снайперские пули.

Мы на Украине наблюдали за «арабской весной» на Востоке, и все были уверены, что наш народ ещё сохранил советское образование, не поведётся на интернетовские «флешмобы» и разрушение своей страны. Забыли, что уже выросли несколько поколений, которых не учили мыслить, а только выбирать варианты.

Тем не менее понадобилась целая серия провокаций, чтобы люди повели себя агрессивно и бездумно. Важно показать в СМИ первую кровь. Для этого в первых рядах протестующих должны быть молодые и в белой одежде. Красная кровь на белой одежде хорошо смотрится. Но тут дело происходило осенью, поэтому для фото окровавленной жертвы пришлось использовать фотографию молодой голливудской актрисы. Одиночные убийства действовали недостаточно эффективно. Пришлось организаторам уничтожить целую «небесную сотню», причём убивали участников конфликта как с одной, так и с другой стороны.

Этот же метод был использован для озлобления толпы фашиствующих болельщиков и майдановских «сотен» в горо-

де Одессе. Первый застреленный «активист» появился из их числа. После чего подготовленную толпу направили на сожжение людей в Доме профсоюзов.

Если на Западе кинофильм имеет успех, из него делают сериал. Если метод успешно опробован – его не меняют.

По этому же сценарию был нанесён удар из реактивной установки БМ-21 «Град» по центру города Мариуполя. Он должен был вызвать ненависть среди местных жителей по отношению к ЛДНР.

– Скажи, что тебе известно об этих событиях? – спрашиваю бывшего офицера, проживающего в Мариуполе.

– Очень много странностей было связано с этим обстрелом.

– Каких странностей? С какого направления стреляли?

– Стреляли со стороны ДНР, но в то время там была тридцатикилометровая нейтральная зона, куда мог заехать кто угодно.

– А ещё какие странности?

– В центре города за два часа до удара отключили газ. Ранее такого не случалось.

– А сам ты где был во время обстрела?

– Дома, в центре города, куда и стреляли.

– И что ты делал?

– Я выскочил на улицу. Возле дома сидел тяжело раненный дед. А возле него уже крутились военные корреспонденты. Я подбежал и начал накладывать жгут на ногу деду, – у

него было сильное кровотечение. Они меня стали прогонять, объясняли, что я мешаю съёмке. Скорая помощь очень долго не приезжала, а военные корреспонденты были готовы.

Всё было инсценировано так грубо, что жители города не поверили, что ополченцы обстреляли город, где живут семьи у многих из них.

И мой товарищ, ветеран, согласился, что по почерку этой провокации организаторы – те же, что и на Майдане. Было много жертв. Но жертвы этих людей с чёрной душой не волнуют. Их волнует политика, личное благополучие и деньги. Много денег.

А не в Белоруссии ли они сейчас делят людей на команды? Или в России? И кусочек мела уже приготовлен.

2018 г.

Путешествие из города Находки в город Чоп

Был 1963 год. И мы уезжали из Находки в город Чоп, который в Закарпатье. Папа был майором пограничных войск. Мне казалось, что он всегда был майором, ещё на войне. Но потом узнал, что он всю войну был старшиной, а офицерское училище закончил по ускоренной программе после войны. А мне было девять лет. Папе предложили продолжать службу в другом районе страны, в городе Чоп. Контейнер с вещами, среди которых, по моему мнению, главной вещью был мой велосипед, уже отправили. И вот командир части Донсков, которого отец знал с периода войны, приехал проводить нас на вокзал. У нас были чемоданы и бумажный мешок с большими копчёными красными рыбинами. Через бумагу проступали маслянистые пятна. Жирненькая была рыбка! Для родственников из Красноярска. Там нет такой рыбы. Там лес и медведи. Родственники присылали нам кедровые орехи и мёд от медведя. Мешок уложили под нижнюю полку, и он издавал характерный запах копченостей. Через день мы к нему привыкли. Мы заняли всё купе. Папа, мама, старшая сестра Валя и я.

Поехали. Мелькнул наш пляж на море, озеро Солёное, прощай, Находка.

Во Владивостоке мы ждали, когда наш вагон прицепят к поезду на Москву. Владивосток – это тот город, куда папа ездил в командировки и обязательно привозил оттуда какой-нибудь подарок. Самый лучший – огромный металлический игрушечный подъёмный кран. Башня вращалась. И можно крутить ручку и поднимать на верёвочке грузы. Потом я его вынес на улицу, сел верхом и съехал с горки. Второй раз оси автомобиля не выдержали нагрузки, и колеса разъехались. Красивая, зелёная, крепкая была машина. Но я её сломал.

После Владивостока был Хабаровск. Когда переезжали Амур, я увидел на берегу детский санаторий, где провёл семь месяцев после болезни. Хороший был санаторий. Директор купил себе мотороллер с кузовом и постоянно его использовал для хозяйства санатория. То привезёт сметану или молоко в бидонах, то саженцы, то нас прокатит. Очень добрых, отзывчивых врачей, медсестёр и воспитателей он подобрал. Или все были тогда такими? Многие старшие дети были из неблагополучных семей. Поэтому никаких новых ругательств или блатных песенок за дальнейшую жизнь я не услышал. Все думали, что моя фамилия Сафронта. Я рассказывал анекдот, который начинался словами: «Шли солдаты с фронта». Я произнёс «са фронта» и стал спорить, что так правильно говорить. Так меня и прозвали. Мечтал я порыбачить на Амуре. У меня в кепке были заколоты рыболовные крючки, как у всех моих друзей в Находке. Привязал на

крепкую нитку, вместо грузила – военную пуговицу, червяка нашёл под камнем. Повели нас на прогулку на берег Амура, я закинул свои снасти, и сразу попалась довольно крупная рыба. Воспитательница не верила, что это я поймал, спрашивала, где я взял рыбу. Я её рыбакам на берегу подарил.

Когда я вернулся из санатория, первое, что я сделал, за что мне было очень стыдно, толкнул головами папу и сестру. Со словами: «Кто из вас сильнее? Толкайте друг друга через мой кулак, а я определю» я выдернул кулак, и они ударились лбами. Плохая шутка. Как из тюрьмы.

Запомнил, как я испугался на станции Биробиджан. Папа пошёл купить две бутылки пива, а поезд поехал. Я думал, что он отстал, кричал, что надо сорвать стоп-кран, но он вошёл в купе. Он сел в другой вагон, когда поезд отправлялся.

Перед Иркутском долго ехали вдоль Байкала. На станциях продавали копчёную рыбу из этого озера, омуль называется. Рыба как рыба. Мелкая. У нас под сиденьем огромные пахнут до Красноярска. Если бы я хорошо смотрел в окно в Иркутске, то, кроме трамвая, заметил бы шестилетнюю девочку, мою будущую жену Лену.

Очень внимательно я рассматривал тайгу. Всё хотел увидеть лису, волка, белку или зайца на крайний случай. Не попались. А на станции с романтичным названием Зима купили солёные грузди в стеклянной банке и горячую варёную картошку в бумажном кульке. Какая вкуснятина!

Иногда нас вёз не тепловоз или электровоз, а большой па-

ровоз! Тогда ночью можно было увидеть проносащийся мимо окон дым и искры!

Ну вот и Красноярск. В вагон вошли двоюродные сёстры, широкоплечие и крепкие, как мой папа. И бабушка, папина мама. Совсем старенькая и маленькая. Удивительно, как она родила такого большого папу! Нам подарили торт с грибами из печенья, а мы им мешок с той рыбой.

Красивая была Сибирь! Март, а снега много. По дороге идёт лошадь, везёт сани, а видна только её голова из-за сугробов по бокам дороги. Утром холодно, вдали деревня, в домах из каждой трубы идёт дым вертикально вверх до самого неба.

Новосибирск. Вышли на перрон. Вечер. И чудо! Стоит светится автомат с газ-водой! Туда можно бросить копейку, и потечёт газ-вода! А три копейки – так с сиропом, как лимонад из бутылки! Первый раз увидели! В Находке газ-воду продавала тётя в белом фартуке, возле большого синего ящика, стоящего на велосипедных колёсах. Наливала сироп из длинной стеклянной колбы с краником в стакан, потом газированную воду и ещё размешивала ложечкой.

Волгу переезжали ночью. Не запомнилась. Зато Москва – это было впечатление на всю жизнь!

Поезд пришёл рано утром. Пересадка на другой поезд через трое суток. Поехали к папиным друзьям на такси. Машина большая, черная, ЗИМ. Окна замёрзшие, я их протаивал рукой, чтобы всё видеть. Огромные дома! В Находке были

трёхэтажные, а здесь не меньше десяти!

Метро совсем поразило! У входа продавали эскимо! Не в стаканчике мороженое, а на палочке! Потом самодвижущаяся лестница! Мы про неё в букваре читали. Взрослые рассказывали. А навстречу нам ехал на лестнице самый настоящий совершенно чёрный негр! Первый раз увидел! Настоящий негр!

Стены на станциях были из гранита и мрамора разных цветов. Я читал уже книжку про всякие камни, а тут увидел. И ещё в метро была металлическая статуя военного, в руке медный револьвер. Так и хотелось его забрать себе, но он припаян намертво!

Стояли мы в огромной очереди, чтобы попасть в Мавзолей. Но он меня не впечатлил. Взрослые сказали, что здесь недавно ещё и Сталин лежал. Ленин был желтоватый и не похож на человека. Подсветки правильной ещё не было. И металлические цветы. Страшновато.

А вот Третьяковская галерея – это было славно! Тогда мозг ещё не был поражён сиянием мультиков и электроники. Восхищали все картины. Многие – как старые знакомые с фантиков конфет, шоколадок и обложек учебников. «Три богатыря», «Утро в сосновом лесу», «Рожь» – что на обложке «Родной речи». Алёнушка из сказки. Сложные чувства вызвала картина, где Иван Грозный убивает своего сына. А что, разве так бывает? Он что, дурак?

Огромная картина «Явление Христа народу». Как её ри-

совали? Художник ползал по ней и колени испачкал краской?

И тут восторг, как от новогодней елки, только таинственный, «Лунная ночь на Днепре» художник Куинджи. Она светилась теми зеленоватыми красками, которые есть у дальневосточной бабочки чёрного махаона. Завораживающая картина. Смотрел несколько раз на неё уже взрослым, но что-то потерял в восприятии, нет того ощущения сказки.

До свиданья, Москва, едем в Киев. Очень много троллейбусов в Киеве, мороженые сливы, от которых горло заболело, и смешная надпись «перукарня», которая совсем не пекарня, а парикмахерская. Надписи на украинском языке, а говорят все по-русски.

Теперь едем в Чоп. Много церквей. В каждом селе церковь. На Дальнем Востоке их было совсем мало. В купе подсел мужчина, сказал, что он дипломат, едет за границу. В костюме с галстуком, волосы гладко зачесаны назад. Стал рассказывать про Париж и другие города и страны. Мама с интересом слушала. А мне он напоминал рыжего Ваську-вора из санатория: глазки бегают, всё по вещам да чемоданам. У меня в санатории была школа жизни. Когда он вышел, мама сказала папе, что вот так интересно надо жить. Папа даже обиделся. А разве мы живём неинтересно? Вон какая прекрасная страна. Мы закрыли двери на ночь, кто-то дёргал дверь, по ошибке, но дипломат больше не приходил.

В Чоп приехали в темноте. В городке было дневное освеще-

щение, чего ещё не встречали в Находке. Длинные лампы на столбах. Чисто. Брусчатка на дороге, много венгров, их церковь, а рядом клуб железнодорожников. Горлицы кричат, мы таких птиц не видели и не слышали.

Какая огромная была страна! Четырнадцать дней в пути! Тысячи километров Родины. Как тяжело её строили, защищали, и как глупо её уничтожили!

2022 г.

Чоп

Чоп – это не частное охранное предприятие. И это не пробка, которую забили молотком в бочку. Чоп – это конкретный город Закарпатской области, где прошли три года моего чудесного детства.

Папу-пограничника из города Находки Приморского края перевели для оздоровления детей и по его желанию в более сухой климат, на запад Украинской ССР. Это и был город Чоп. Жили там венгры и наши: пограничники, железнодорожники и таможня. Тогда по национальности особо не делились. Мы не знали, кто русский, кто украинец, кто белорус или молдаванин. Все говорили на русском. Венгры тоже говорили, но чем старше, тем хуже. В памяти сохраняются яркие картинки. Все семьи пограничников жили в четырёх домах. Во дворе длинные сараи, много дверей, на которых написаны номера квартир. Там хранились велосипеды и весь интересный хлам, что жалко выбросить.

А у Вендиктовых ещё мотороллер. У них были два пацана – близнецы. И мама с очень круглой попой и тонкой талией, одевалась в красивые платица. Если бы не мотороллер, то и круглой попы не заметили бы. А так она садилась сзади своего мужа и укладывала круглую попу на сиденье мотороллера, и они уезжали на речку или в Ужгород. В выходные. Мотороллер двухместный. Поэтому братья оставались

во дворе, где мы играли в футбол, в пекаря, в войнушку или пытались тренироваться. Как Попенченко, боксировать – нашли у кого-то две пары старых боксёрских перчаток, или, как Брумель, прыгать в высоту «перекатом» через резинку, натянутую между деревьями возле песка. А велосипеды для того, чтобы ездить на речку Латорицу купаться или в лес за грибами. И ещё на речку Сирень, которая на самом деле – старое русло Латорицы, на рыбалку. Там ловились канадские сомики. Небольшие сомы с колючками у жабер.

Целое событие во дворе: прокладывали трубы в очень глубокий ров. Для игры в войну – самое подходящее дело. В отвалах земли было много патронов и металлических деталей от прошлых войн. На дне была голубая глина, которую можно было скатать в шарик, прицепить к прутику, махнуть им со всей силы. И шарик далеко улетал. В траншею очень удачно упал мой товарищ. Мы убежали и прятались от «немцев», и мой друг решил уничтожить мосты: сбросить квадратное бревно, по которому мы перебежали через траншею. Он его со всей силы тянул к себе, чтобы сбросить в яму. Противоположный конец тяжёлого бревна соскользнул в глубокую траншею, а тот, что был у него между ногами, поднялся и ударил его в зад. Друг взлетел над ямой и удачно приземлился на противоположную стенку траншеи. И скатился по ней на дно. Только синяк, никаких последствий, как в мультике. У этого товарища и его брата не было отца. Его убили бандеровцы в Карпатах, когда друг был ещё совсем малень-

ким, а мать с детьми осталась жить в нашем доме, в Чопе.

У нас было два велосипеда. Мой «Орлёнок» среднего размера, красивый, фиолетовый с жёлтой полоской, сделанный на Шауляйском велосипедном заводе. К нему прилагались: набор ключей, насос, фара с генератором на переднее колесо, комплект для ремонта шин. Мы сами ремонтировали свои велосипеды, старшие учили младших, все умели разобрать, отремонтировать, собрать. А у сестры был взрослый велосипед, харьковский. Мы с папой ездили на рыбалку на этих велосипедах. Один раз пошёл дождь, и мы еле проехали по грязи. И клевало плохо. Потом у папы клюнуло, удочка согнулась, над водой плеснулся большущий рыбий хвост. Папа начал медленно подтаскивать рыбу к берегу. А я подумал, что у него силы не хватает вытащить рыбу. Подбежал и помог. Со всей силы дёрнул за его удилище. Раздался звон – это лопнула леска, а рыба уплыла, не попрощавшись. Папа только посмеялся, ничего не сказал мне в упрёк. На обратном пути мы заехали в лес и набрали грибов. Не с пустыми руками с рыбалки.

А школа в Чопе? Мы её быстро поменяли. Я стал ездить в Ужгород, в хорошую школу. А в Чопе одна учительница говорила на украинском в русской школе, другая с венгерским акцентом. У нас в песне про «Варяг» попались слова: «Чу, загремели раскаты взрывов далёких, глухих». Её спросили дети, что такое «чу». Она объяснила, что так стреляет пушка: «Чу, чу, чу!» И вот, четвёртый класс, я каждый день еду

на автобусе в Ужгород. Автобус полный: венгерское население окружающих сёл везет на базар овощи, фрукты, гусей, кур. Гуси торчат головами из корзин и кричат. И я тут, среди гусей. Но школа была хорошая. Стоила поездок с гусями. Бывшая чешская гимназия, на берегу реки Уж. С большой библиотекой, где было много книг про путешествия и войну. И учитель истории, ветеран войны. Худой и увлечённый. Он нам так рассказывал о Фермопильском сражении, что мы слушали затаив дыхание, а на перемене закрывали дверь «на стул» и просили продолжить рассказ. Полное впечатление, что он был участником того сражения со стороны греков. И учительница английского, с очень голубыми глазами. Во время войны была санитаркой, переправляла раненых на плоту через Днепр. А учительница младших классов рассказывала, как они по дороге уходили от фашистов на восток вместе с коровами, овцами, вещами на повозках, а фашист на самолёте летал низко над ними, стрелял из пулемёта и улыбался. Почему-то ярко запомнился её рассказ. Славные там были учителя. Да все старшие, что были тогда с нами, прошли войну, были очень взрослыми, ценили жизнь.

А вечером опять на автобус или электричку – домой.

В Чоп, где шлагбаумы на железной дороге. Мы видели, как мимо нашего дома проезжал поезд в Венгрию, специальный. Там у окна стоял небольшой лысый человек в светлом пиджаке. Это был Хрущёв. Пацаны про него загадывали загадку: «В каком кармане Хрущёв носит расчёску?» А лы-

сому не надо. Да мы и сами не носили расчёсок. Шлагбаум был закрыт. Когда он закрывался, надо было на велосипеде успеть проскочить. Как-то раз я успел, а сестра ехала сзади, и велосипед выше, чуть не успела. Набила шишку на лбу и упала. Больше не проскакивали.

Весна в Чопе. Цвели абрикосы в каждом дворе. И много тюльпанов. Венгры очень любили сажать перед своими домиками тюльпаны и ставить игрушечных гномиков. Похожих на Чиполлино, немного старше, с выпавшими из головы перьями лука. А мы ещё на велосипедах ездили за мороженым в кулинарию. Мороженое было пахучее, пахло им даже на улице. Им наполняли хрустящие стаканчики. Почему оно так вкусно пахло? Может, и сейчас пахнет, просто с возрастом нюх потеряли? И абрикосы цветут и пахнут! И солнце. И голос с железной дороги: «Вагонники Ужгородского парка! На второй путь электровоз идёт под состав!» Бог его знает, что оно означало, но весь городок это слушал.

Вот такой был ЧОП. Совсем не затычка от бочки. Маленький чистый пограничный городок очень большой страны.

2020 г.

Нам «врали» про капитализм семьдесят лет

Это было ещё до «оранжевой революции». Даже до завершения в спецслужбах Украины так называемой «декагебизации», в ходе которой увольнялись старые специалисты, которые были против национализма, да ещё и взятки не брали, отказывались «крышевать» контрабанду сигарет, мешали новой жизни СБУ.

Сидим в сауне. С нами подполковник, заместитель начальника экономического отдела СБУ. Мы с ним были знакомы, когда он был молодым сотрудником КГБ.

О чём мужчины говорят в бане? Конечно, о работе или о политике.

– Представляете, Кучма решил продать своему зятю Пинчуку Криворожский металлургический комбинат за цену, которая составляет прибыль предприятия за три года, – начал разговор подполковник.

– Так ведь это не останется незамеченным, пресса подымет шум, – усомнился кто-то в его словах.

– Вот увидите, они прикроют эту сделку какой-нибудь политической шумихой, – предположил СБУшник.

– Это теперь так принято, приватизировать всё, что даёт прибыль. Под предлогом неэффективности руководства

или без предлогов. Просто от жадности. Такая система хозяйства, – сказал я.

– Вы не понимаете, – доказывал подполковник, – что в результате таких действий не будет хватать денег на пенсии, на зарплаты бюджетникам. Налог с этого предприятия – это значительно меньше, чем прибыль. Ещё и уходить от налогов будут всеми силами. Выход правители найдут в повышении налогов, штрафов, росте тарифов коммунальных услуг. Будут грабить бедное население. Я писал докладную, так наверху только посмеялись над старым «совком».

Он был прав. Случилось обострение украинско-российских отношений из-за косы Тузла. Большой политический шум, который оставил незамеченным приватизацию. Через год новая власть в лице Тимошенко отменила приватизацию. Завод был заново продан. Только деньги ушли в такие «закрома», где их до сих пор не нашли.

А вот другая картинка. Собрание рабочего коллектива одесского завода «Стальканат». Выступает от лица новых собственников новый директор завода Даермарк.

– Мы понимаем, что зарплаты у вас низкие. И мы вам обязательно их будем повышать.

– Когда это будет? – раздался вопрос из зала.

– Вы должны понять тяжёлую экономическую ситуацию на заводе. У вас должно выработаться корпоративное мышление. Мы все в одной лодке! Собственники получили завод с большим долгом – двадцать миллионов долларов. Мы

должны за год-два расплатиться с долгами, и тогда повысим зарплату в полтора-два раза!

В зале народ зааплодировал. Завод будет работать, и зарплата будет!

До этих событий собрались учредители банка «Пивничный», которые решили часть денег вложить в недвижимость. А лучше получить недвижимость без денег. Обратили внимание на работающий завод «Стальканат», который поставлял продукцию в десятки стран. Директором там был некто Сабанов.

– Мы собрали информацию о работе завода и лично Сабанове. Он, как и большинство сейчас, работает с нарушениями закона, – доложил один из учредителей.

– Так может, мы его просто посадим в тюрьму, а завод заберём? – предложил другой учредитель.

– Нет, посадить нельзя, он «свой», что о нас скажут в си-нагоге?

– Тогда сделаем ему предложение. Пятьдесят тысяч долларов наличными. Оформляем на него половину заводского профилактория на берегу моря. И даём автомобиль с водителем. Скажем, что пожизненно, на самом деле через несколько месяцев заберём.

– А он что должен сделать?

– Он должен перевести двадцать миллионов долларов за рубеж, на нашу подставную фирму. Якобы за оборудование на модернизацию завода. Эти деньги он возьмёт у нас, под

залог всего имущества предприятия. Фирма за рубежом исчезает вместе с деньгами – и завод наш!

– А контролирующие государственные органы?

– Мы с ними уже поделились. Они будут молчать.

Они молчали.

А слово «свой» я услышал ещё раз от нашего друга, клиента и помощника в бизнесе, гражданина Израиля Дэвида Алона. Его предприятие в порту получило прибыль, и он решил вложить её в акционирующийся рынок «Черёмушки», чтобы стать одним из учредителей. Рынком «Черёмушки» занимался один из известных в Одессе новых собственников, братьев Палицких. Мы знали, что они неоднократно мошенничали со своими клиентами и партнёрами. Стали убеждать Дэвида, что его «кинут», заберут деньги. Но он настаивал: «Они «свои». Поэтому меня не обманут».

Через несколько дней наш охранник хотел вмешаться в ссору Палицкого с его партнёром.

– Это мой «лох», я его привёл, это мои деньги! – кричал партнёр.

– Нет, идея моя, поэтому деньги мои! – возмутился в ответ Палицкий.

Чуть не дошло до драки. А Дэвид, гражданин Израиля, говорил: «Свои»! Тут нет своих. Дикий капитализм! Эпоха накопления капитала!

Вот ещё история. Её звали Алина. Симпатичная женщина. Бывшая наша. Гражданка США. Они приехали в Одессу

вместе с мужем из Ленинградской области, где выполнили инвестиционную программу американских фирм, занимавшихся производством курятины, но почему-то связанных с госдепом.

Мы заключили с ними договор об охране. И были очень удивлены их деятельностью. Они за большие деньги купили большинство птицефабрик области, которые производили курятину, и завод по производству кормов для птицы. Построили большой офис. В фойе выложили на полу из плитки герб, как в Америке, только вместо орла – курица и название фирмы: «Одески курчата». На этом деятельность была остановлена. Купленные предприятия пришли в полный упадок. Рабочие разъехались в поисках работы. Мы ломали голову: зачем им столько площадок на территории области? Может, военные объекты будут строить? Потом стало ясно. Они не собирались ничего производить. Они освободили рынок для иностранной продукции. Пришли «Ножки Буша».

А вот Россия. Здесь по-другому?

Собралась в аэропорту «Шереметьево» группа «золотой молодёжи» Москвы. Мажоров, как их ещё называют. Папа одному из них подарил крупный завод. Из тех, что строили комсомольцы тридцатых. Денег очень много. Ребята смеются, развлекаются.

– Ты посмотри, их родители провожают. Каждый говорит: «Доченька, я горжусь тобой! Ты вышла на международный уровень! Это Европа! Едешь на фотосессию на юг Фран-

ции»!

– А ты что, вообще не будешь делать фотосессии? – спросил один из молодых людей.

– Нет, я заплатил одному недорогому журналу, они делают фотографии тех девочек, которые выполняют все наши желания. Мы выполним их желания. Они – наши желания, – посмеялся мажор.

– А если не согласятся? Пожалуются?

– Да им уже намекали, кто был против – отсеялись.

– А твой отец как смотрит на наш общий отдых в его владениях во Франции?

– Он мне говорил, что лучше бы спонсировал большой турнир по дзюдо и пригласил президента, как сделал хозяин «Магнитогорского металлургического комбината». Приблизился.

– Зачем нам дзюдо? Пусть твой папа, народный депутат, приближается. А мы живём в кайф.

– Да идея была весёлая, спонсировать по областным городам конкурс «Мисс город».

– А мой водитель не промах, повёл победительницу конкурса в Красноярске к себе в гостиницу, обманул её, что это входит в условия её победы.

Молодые люди дружно посмеялись.

Такая вот «веселуха» идёт и в России. Поэтому и не хватает денег на приличные пенсии. На науку. На лечение. На всё. Прав был тот подполковник. Давно уволенный в ходе

«декагезбизации». Не хватит денег. Кому-то будет много, а на всех не хватит. Про свободу, равенство, братство речь не идёт. Хотя бы немного морали и справедливости.

А население медленно «левеет» в своих взглядах. Вот и я левею.

(Фамилии в рассказе изменены.)

2019 г.

Мой взгляд на причины распада СССР

Я имею право на свой взгляд? Конечно, имею. Тем более что я наблюдал события, когда мне было 37–38 лет. Это вполне зрелый возраст.

У китайцев есть устойчивое словосочетание: «Присесть на корточки, чтобы разобраться в обстановке». Это означает пойти руководителю в народ, посмотреть на результаты своего руководства. А мне не надо было «приседать на корточки», я всё это видел глазами старшего уполномоченного Особого отдела КГБ СССР. Так вспомним всё и попытаемся понять и объяснить простыми словами, почему распался СССР.

В средствах массовой информации много рассуждают об этом. То говорят, что социализм – ошибочная система, без рынка и конкуренции, по экономическим причинам страна не могла выжить. То объясняют, что западные государства провели длительную специальную операцию, подорвали внутреннюю идеологию страны, обрушили цены на нефть. То говорят, что основная причина – война в Афганистане, то просто естественное желание человека урвать себе кусок побольше. Даже объясняют, что руки у человека устроены так, чтобы грести к себе, а не от себя. Итак, склонимся над

старым мотором СССР и попытаемся выяснить причину, по которой он остановился. Тут важно установить именно первопричину, как и в моторе.

Для этого вспомним службу, ситуации, жизнь. Экономически нежизнеспособный социализм? А как же ранее он работал с приростом до 40 %, а как он выдержал страшную войну?

Вспомним огромные очереди за бензином перед распадом страны. Что, резко увеличилось количество автомобилей или расход топлива на километр? Нет. Это, как любят говорить теперь, не экономический, а человеческий фактор. Не будем разбираться, умысленный фактор или по глупости допущенный. «Мотор» должен был справляться с любыми перегрузками, если это система. Конечно, его должна регулировать умелая рука, такая, как в период НЭПа у Ленина или как у Дэн Сяопина в Китае.

Почему у нас не было Дэн Сяопина? Вот вопрос, в котором надо разобраться. Опять вспомню примеры.

Закавказье. Конец Горбачёвской эпохи. На заставе наблюдают, что к границе движется большая группа людей из так называемого «Народного фронта Азербайджана» с намерением уничтожить колючую проволоку, столбы спилить бензопилами, открыть границу. Пограничники докладывают руководству пограничного отряда, просят разрешения разогнать нарушителей границы. Начальник пограничного отряда боится взять ответственность на себя и звонит начальни-

ку округа. Тот звонит в штаб в Москву. В Москве тоже бояться дать команду, передают информацию всё выше и выше до самого Михаила Горбачёва, который в это время завтракать изволит. После завтрака дал горбачёвскую команду: «Отслеживайте обстановку!» Команду передали по ступенькам вниз к начальнику заставы, который уже посадил бойцов в БТРы. Он через час позвонил в пограничный отряд и попросил передать, что отслеживает, замечательно уничтожают оборудование границы, которое с таким трудом создавалось.

Вот здесь мы ухватываемся за основное звено.

Почему такие безвольные, подлые, хитрые, глупые люди могли прийти к руководству страной, к обслуживанию крепкого и сложного «мотора?»

Помните этот ГКЧП с дрожащими руками и бегающими глазками?

Когда и как прекратился естественный или искусственный отбор кадров?

При Сталине он был: «Кадры решают всё». Да и мы видим, какие руководящие кадры были выдвинуты в ходе Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны.

А в семидесятых годах что-то нарушилось в процессе кадрового отбора. Начался «антиотбор». Я наблюдал, что в армии и КГБ смелость и самостоятельные ответственные решения не поощрялись, а чаще влекли наказания.

А кто же шёл вперед и вверх по карьерной лестнице? Да я видел их рядом. Вот один молодой офицер заметил, что надо привозить какие-то подарки командирам с участка границы. Мясо кабана с охоты, мумиё, мёд, рыбу. И у него всё сложилось хорошо.

В Афганистане он был в самом безопасном месте, где много дуканов (ларьков с товарами), привозил подарки, за что и был награжден орденом и хорошей должностью.

Вспомнил, как я вернулся из Афганистана. Меня встретил мой однокашник по Высшей школе КГБ, который значительно продвинулся по карьерной лестнице. Такой был разговор.

– Что ты привёз генералу из Афганистана?

– Только свой опыт и впечатления.

– Ты же мог там что-то купить для него в дуكانе.

– Я был в таком месте, где дуканов не было. Одни пули и мины. Мог бы привезти.

– Тогда я тебе дам ручку с часами, иди и подари генералу, – посоветовал товарищ.

– Ты же знаешь, что он дал команду кадровику после нашей с ним перепалки, чтобы меня отправили в Афганистан на самый опасный участок! А когда я вернулся из Афгана, он сказал: «Выжил, гад, глаза бы мои его не видели!» Он чувствует, насколько мы с ним разные люди. А теперь я пойду к Кровавому Карлику (такая у него была кличка) и скажу: «Нате Вам ручечку!» Нет, я не буду делать этого.

– Зря, считай, что ты загубил свою карьеру.

– Да мне наплевать на карьеру, главное, вернулся живым и здоровым.

Это я о чём? О естественном отборе. Или о кадрах. И это было на всех уровнях, во всех сферах управления. А я помню тех офицеров, которые ещё были участниками Отечественной. Их отличала самостоятельность в принятии решений и ответственность. Как у хорошего врача-хирурга. У них и взгляд был другой, строже, и им никто не посмел бы принести «подарок» с двойным смыслом.

В Таджикистане служил в КГБ сотрудник, который ещё застал борьбу с басмачеством. После общего совещания КГБ Таджикистана к нему подошёл офицер из руководства и спросил: почему он никогда ничего не привозит руководителям? Все привозят, а он – нет. Там же лучшие грецкие орехи растут! На следующее совещание дед приехал с опозданием, заходит в зал с мешком за плечами, идёт в президиум, сбрасывает с плеч мешок со словами: «Вы меня просили орехов привезти». Начальник покраснел: «Товарищи, угощайтесь все на перерыве». Уволили старика.

То поколение состарилось и ушло. Достойной смены нет. А как же народ, его мудрость, стремление к справедливости? Запомнилось исследование, проведённое среди работающих в больших магазинах. Оказалось, что 10 % людей не воруют ни при каких условиях. Столько же воруют при любой обстановке. А 80 % людей ведомые, в зависимости от режима, об-

ественного мнения, обстановки примыкают к первой или второй группе.

Ждать можно положительных сдвигов только от 10 % населения, если они приведены к руководству. Для этого должна быть система подбора руководителей. Она и сломалась в «моторе» социалистического государства. Его растащили воры. Остались только чертежи. Представьте картину: над «мотором» склонились несколько механиков-расхитителей. Они перемигиваются и представляют, как сдадут хороший мотор на металлолом. А главный механик не вникает, вертится перед зеркалом, принимает важные позы и даёт ворами команду: «Отслеживайте обстановку». Воры посмеялись, разобрали на части хороший мотор и поставили другой, бывший в употреблении, снятый с иномарки на автомобильной разборке, непригодный к ремонту. Он коптит и дымит, едва двигается, но те, кто за рулём, делают вид, что всё в порядке, мы быстро едем. Куда едем – узнаем в пути.

Да, теперь происходит ещё более жесткий «антиотбор». В лидеры выходят самые наглые, бессовестные, обогатившиеся путём воровства и мошенничества. Их ставленники и родственники из числа сообщников по разграблению бывшего народного имущества. Те, кто овладели технологией одурачивания населения, отвлечения внимания людей в момент «очистки» их карманов. Им не стыдно врать и предавать.

А можно ли воссоздать и исправить прежнюю систему, более прогрессивную и передовую? Опять всё упирается в кад-

ровый вопрос. Должно быть достаточное количество и качество кадров. Идея должна овладеть массами, как раньше учили.

Те, кто заботились о развитии государства, неизбежно приходили к проблеме подбора кадров. Когда-то я был на экскурсии в Ленинских Горках, в доме-музее Ленина. В рамочке на стене висело одно из последних писем вождя, которое меня удивило в то время. Там красным карандашом были подчёркнуты слова: «Надо привлекать к управлению государством как можно больше беспартийных, но заведомо честных людей, так как в нашей партии, как и в любой правящей партии, будет всё больше карьеристов, примазавшихся непорядочных людей». Далее Ленин объяснял, что русский человек не стремится к руководству, не желает добросовестно отвечать за огромный участок работы. Таких людей надо находить, подбирать и буквально вербовать на ответственные посты. Есть над чем задуматься.

Вот и получается, что основная причина распада СССР – это кадры в его управлении, которые не хотели или не смогли правильно отреагировать на экономические и политические изменения.

Когда-то на нас смотрело и надеялось всё «прогрессивное человечество», – так писали в газетах. Теперь говорят: «Цивилизованные страны». Это те страны, где принято всех других считать дикарями, которых можно обманывать и грабить. Но «призрак» прогрессивного человечества уже бро-

дит по бывшим республикам Союза. Будем надеяться, что мы ещё вернёмся в новый СССР.

2020 г.

Поединок с кротом

Название хорошее для шпионского детектива про «крота», которого легко поймать. В конце книги или кино обязательно ловят. Бывает, он, отстреливаясь и строя глазки зрителям, убегает в следующую серию. Но там его обязательно разоблачат и поймают.

Речь пойдёт о настоящем кроте, борьба с которым предстоит долгая и безуспешная. В сущности, он не вредный, ест себе червей да личинок. Но у меня красивый газон. А у крота гадкая привычка копать. Семена травы дорогие, плюс моя постоянная работа по стрижке травы. А он плевал на мою работу. Если умеет плевать. И деньги для него не главное в жизни. Поэтому он роет норы, а лишний грунт, как шахтер, выбрасывает на газон большими терриконами. Кротовыми кучами. Как его прогнать с газона? Мне посоветовали нашатырь. Салфетку с нашатырём в нору, и уйдёт крот, не вернётся. Но он возмутился, ночью задержал дыхание, взбодрился нашатырём и вытолкнул салфетку на поверхность. Со словами: «Нюхайте сами, если нравится. И не отвлекайте меня от моего любимого дела. Копать».

Смотрю, женщина в местном магазине покупает селёдку, говорит, для крота. Неужели он любит селёдку? Она поведала тайну приёмов народной борьбы. Надо отрезать головы селёдкам и закопать их в кротовую нору. Крот этого не пе-

ренесёт. Да, я бы точно не перенёс на его месте. Тоже мстительно купил селёдки. Раскопал очередную кротовую кучку, засунул туда рыбки головы и стал ждать эффекта от мудрого народного средства.

На следующее утро увидел результат. Кроту было так противно нюхать селёдку, хуже нашатыря! И он выкопал рядом ещё четыре кучки, чтобы проветрить своё помещение.

Не помогла народная мудрость – найдём мудрёнее в паутине. Во всемирной паутине интернета. Там предложения купить. Быстрее и сразу. Ядами не пользуемся, сами жить хотим, и зверушку жалко. Но вот дельная мысль. Взять китайский будильник, завести его, чтобы звонил через каждые три часа, положить в банку и закопать в норку. Теперь крот вставал ночью через каждые три часа и копал. Он мне объявил войну. А я бывший офицер, решил разобраться с ним по-военному. Нашел в старых запасах усиленный взрывпакет для имитации чего-то там, подготовил шурф, ну проход в нору, зажёг шнур и подтолкнул палкой пакет подальше в норку. Сам убежал на безопасное расстояние. Когда взлетевшая земля упала и пыль рассеялась, я с удивлением стал рассматривать на своём бывшем газоне вскрытую линию обороны крота, с правильными изломами окопов и с какими-то пулемётными гнездами. Сам противник вовремя отошёл на запасные позиции.

После этого контуженный крот перестал реагировать на звенящие от ветра банки и бутылки, надетые на штыри во-

круг его места работы. А соседи рассказывают, что их кроты – сразу уходят. Ко мне уходят. Им у соседей скучно жить без войны?

А ещё кто-то посоветовал пустить в нору газ из баллона. Только не поджигать. Кроме остатков газона есть ещё деревья, забор и соседи.

Теперь мой глухой контуженный крот стал ещё и токсикоманом. И продолжил копать. Я уважаю крота как достойного противника, поэтому не купил всяких убивающих приспособлений, а только дорогой жужжащий «Антикрот» на шести батарейках. Само слово так жужжит! А эта железная колбаса – ещё громче. Через каждые несколько секунд. Соседка зашла – очень испугалась. А крот не очень. Копаёт.

Прости, крот, за жестокость! Провёл я ему в нору динамик и подключил самую популярную радиостанцию, где поют киркоровы, бузовы и прочие моргенштерны. От этого он или уйдёт, или у него крыша поедет. Ни одно живое существо этого не выдержит. Как дальше будет – не знаю. Но в первую ночь крот устроил дискотеку, пригласил всех друзей и знакомых кротов, они потанцевали и порыли землю. Наш плохо слышит музыку, танцевал с партнёршами наощупь.

Теперь думаю, как их прикормить да приручить, чтобы огород вскапывали, когда надо, а газон не трогали? Чтоб вредных личинок съедали, а полезных червяков оставляли?

Недавно одного крота наша кошка поймала. Мы его посадили в ведро и унесли подальше к реке. Если пойдёт подзем-

ным путём, то вернётся к нам не раньше, чем через несколько месяцев. Будем ждать.

2021 г.

Как реанимировать банан

Я же вырос в Одессе. Не привык, что солёная капуста заменяет своими витаминами все фрукты вместе взятые. Где взятые? На «Привоze», на даче или утром в холодильнике. А тут май месяц, а черешня не розовеет. Ничего не розовеет, кроме восхода, заката и вершин вулканов на тех же восходах и закатах. Если с погодой повезёт. Потому что это Камчатка. Свежие фрукты привозили тогда очень редко. А из самых сладких фруктов на местном базаре – морковка и репка. Притаятся в уголке, за горами копчёной красной рыбы, палтуса и красной икры.

А в магазине продавались бананы. Сушёные, в пакетике, вьетнамские. Свежих не было. Вот и попали эти засохшие плоды юга ко мне на кухню. Погрыз я их с чаем. А когда жуёшь с чаем что-то вязкое, всегда смотришь в одну точку, или не в одну, и начинает шевелиться мысль. Челюсти работают, а они закреплены на голове. Кровь поступает к работающему органу, заодно и усиливает питание мозга. Как вам такая гипотеза? Вот пришла одна красивая мысль. Чем отличается сушёный банан от свежего? Из свежего испарили воду. Следовательно, чтобы из сушёного сделать свежий, надо придумать, как вернуть воду на своё природное место и реанимировать банан. Начнём с простой технологии, сварим его на медленном огне. Для экспериментов у меня имеется

два пакетика, в каждом по шесть бананов. Вот первый пошёл в кастрюлю. Варю потихоньку, под крышкой. Двадцати минут хватит. Открываю, смотрю, что получилось. В желтоватой жидкости плавает разбухшая до размеров банана коричневая колбаска. Полная иллюзия детского ночного горшка. Когда это остыло, я решил попробовать на вкус. Никто же не видит. Свежий банан не получился. Такая сладковатая колбаска, если не брезгливый, то можно попробовать. В чём дело? Воду вернули банану, а он не стал натуральным. Может, в процессе варки из него выварились все самые вкусные вещества? А что если положить его в ситечко и наполнять живительной влагой на пару? Так и сделал. Накрыл крышкой. Подождал двадцать минут. В ситечке обнаружил опять потолстевшую до размера банана колбаску вышеупомянутого непривлекательного вида. Но если закрыть глаза и понюхать, оно пахнет сухофруктами. Не верь глазам своим! Значит, можно попробовать. Опять не банан. Сладше, чем варёный, но не банан. В результате эксперимента можно сделать вывод, что если банан засох, это навсегда. Даже если сам банан захочет стать ароматным и ярким, каким он висел на дереве, ему это не удастся. Таков закон природы. Что засохло – то можно съесть с чаем. Действительно, не пора ли попить чайку?

2020 г.

Аромат

Приехал домой с работы. Меня ждут на кухне трое: жена, кошка и ужин.

Что может быть прекрасней для полного счастья? Усаживаюсь за стол. Но что-то мешает. Да, точно, характерный кисловатый запах. Если вы носили синтетические носки и ваши ноги вспотели в обуви, то этот запах вы знаете.

Это не тот трупный запах, которым пахли вьетнамские кроссовки, купленные в центре Москвы в разгар кризиса 1998 года. С тем бороться было невозможно. Говорят, испорченный клей или пропитка. Ты можешь постирать стельку, налить в обувь одеколону, посушить, понюхать и выбросить. Такие красивые и дешёвые кроссовки с надписью «Пума». Дохлая пума.

А вот с запахом носков можно бороться. Надо их поменять.

Встал из-за стола, пошёл поменять носки. Свеженький пришёл на кухню, потирая лапки перед вкусным ужином. Но что это? Запах не пропал. Надо было не лениться, а помыть ноги перед заменой носков. Встаю, иду в душевую. Мою ноги с мылом. Надеваю носки. Возвращаюсь.

– Куда ты всё время бегаешь? – спросила жена.

– Да тут недалеко, на водные процедуры.

А запах не пропал. Придётся не лениться, пойти принять

душ. На всё тело, без исключения. Бегу в душ, раздеваюсь, моюсь. Возвращаюсь на кухню.

А запах остался прежним. Тут меня осенило. Я обнюхал стол. Бывает, когда закисло тряпочка, которой стол протирают, и вот он – запах. Нет, стол не пахнет.

– Я тут калину заварила, будешь вместо чая? На улице прохладно, полезно от простуды.

– Так вот в чём тайна этого тонкого аромата! Я уже с ног сбился, можно сказать, измылился, отгадывая, чем это так приятно пахнет!

Теперь я хорошо запомню этот запах калины. Жене нравится, кошке нравится, а мне – нет.

2018 г.

Водный аттракцион

Здесь всегда лето. Это Шарм-эль-Шейх, Египет. Жара. Как в такую жару можно было пирамиды строить? Без кондиционера в бульдозере и без самого бульдозера.

Мы не строили пирамиды, мы пошли в аквапарк. Там не жарко. Аттракционы, разноязыкая речь, но русской больше.

Сели на лежаки отдохнуть и позагорать. Рядом египтянки, закутанные в чёрную одежду. Почему чёрная одежда? Традиционно, чтобы лучше прогревались. Арабы все любят горячих женщин. А правильно было бы их охлаждать в жарком климате. Вовка говорит, что большой нос и уши у южан – это радиаторы, для охлаждения. Красная Шапочка спросила бы у слона: «Зачем тебе такие большие уши?» Правильный ответ был бы: «Для охлаждения своего сложного компьютера, головы!» А вы думали, что большие губы у африканцев, чтобы целоваться? Нет, чтобы облизываться и охлаждать свои мозги! Вовка знает, он врач, операции делает, иногда вскрывает эти «компьютеры» и все видит. Хватит думать, надо просто смотреть по сторонам.

А вот и немцы. Он молодой, важный, белый и очень упитанный. Питался хорошо в Германии и упитался. А она – просто немка. Вот представьте себе молодую немку – это она. Увлечённо фотографируют друг друга.

Прямо перед нами аттракцион. Большая бочка постепен-

но заполняется водой, потом переворачивается, и вода падает на очередного клиента. Брызги, солнце, восторг.

Тут и немец решил сфотографироваться под потоками воды из бочки. Пока она заполнялась, он всё придумывал торжественные позы под прицелом фотоаппарата соотечественницы. Вот он задумчивый, вот руку выбросил вперёд, как Ленин, который памятник. Остановился на позе важного серьёзного человека. Большого начальника или императора, но только в плавках. Уже устал стоять со втянутым животом, а вода всё ещё не наполнила бочку до конца.

Египтянки заинтересовались зрелищем, да и другие загорающие следят за мастерством супермодели и его фотографа.

Ну, наконец, бочка наполнилась и перевернулась. Мощный поток воды полетел с трёхметровой высоты вниз. Девушка начала быстро щелкать своей камерой. Поток воды оказался слишком мощным. Он сорвал с немца плавки. Тот не заметил и ещё некоторое время продолжал стоять в позе римского императора. Египтянки громко засмеялись и закрыли свои лица чёрными платками. Через платки тоже хорошо видно. Фигура «писавшего мальчика, который изображает императора». Фотограф остановила съёмки и закричала что-то на немецком. «Император» быстрым движением поймал свои плавки на ногах и натянул на упитанную задницу. Подбежал к подружке, взял фотокамеру и стал уничтожать замечательные фотографии. А зря. Мог бы посме-

яться. Да, над собой не каждый может. Это понятно. Концерт окончен. Зрители расслабились, подставляя свои обмозанные кремом плечи горячему египетскому солнцу. Водный аттракцион удался.

2018 г.

О СВЯЗИ

Возможна ли была жизнь на Земле без мобильного телефона? Как могли встречаться девушка с парнем без мобильного? Прямо назначали свидание и приходили на него обязательно? Иначе связь могла потеряться, любовь и семья не состояться, а это грозило вымиранием человечества. А оно процветало. И что за странные слова во многих песнях? «Что переждать не сможешь ты двух человек у автомата». У какого автомата? Калашникова? Понятно, была проводная телефонная связь. Говорят, что люди помнили номера телефонов своих знакомых и друзей. А в метро молодые люди бумажные книжки читали или смотрели на окружающих. Дикие времена. Но ведь не сразу появились мобильные телефоны? Да, сначала пейджеры. Маленькие такие коробочки с экранчиком. Кто-то позвонил оператору, продиктовал текст, и тебе пришло на пейджер сообщение. Эти чудесные средства связи гордо вешали на ремень брюк как свидетельство, что в брюках находится зад делового человека.

И ещё появились радиостанции. Можно было поставить в автомобиль и переговариваться с друзьями, или у нас в охранной фирме с охраняемыми стационарными объектами – там тоже были радиостанции. Огромная антенна болталась над машиной, задевая за проём двери гаража, но, к счастью, не доставала до троллейбусных проводов. Если недалеко, то

можно связаться и по переносной радиостанции. Тоже антенна была длинновата. Даже вспомнить неприятно, как я сопровождал и охранял людей с деньгами после сделки по продаже дома. Времена были бандитские. И город Одесса славился не только морем. Я такой, почти как в кино, в костюме, с радиостанцией во внутреннем кармане пиджака. По радиации мне передали, что на улице всё в порядке, можно выходить. Но когда сел за руль машины, антенна выпрыгнула из пиджака и попала мне в ноздрю. Я сел в машину, а из носа идёт кровь. Пассажиры удивились, решили, что у меня от волнения давление поднялось. Деньги так взволновали.

А вот и первый мобильный телефон. Назывался «Моторолла». Маленьким чемоданчиком. К нему антенна на магните. На ней надпись, что находиться ближе метра во время работы вредно для здоровья. Мы этот телефон брали только в командировки на машине. Стоил он очень дорого, по цене нынешней подержанной машины, как и плата за звонки. Обычно идёт очень богатый человек, начинающий олигарх, а за ним охрана несёт этот телефон за штатную рукоятку. И уже на трассе «Одесса – Киев» появились плакаты: «Зона устойчивой мобильной связи». С холма спустился – связи нет.

А мне нравился «банан». Это такой кривой телефон, раздвигающийся и закрывающийся. Как банан шкуркой. Кнопки большие. Для пальцев настоящих мужчин. Это сейчас у молодых людей тонкие длинные пальцы, приспособленные

только для отправки СМС. Тогда мы ещё многое делали своими руками. И даже сейчас для моей жены не является абстрактным понятием «поменять крышку тормблёра» или тормозные колодки в «Жигулях». А когда мне бандиты возле вокзала проткнули сразу все колёса, она привезла мне на трамвае из гаража три запасных колеса. Спасибо, люди помогли, а не вели съёмку редкого кадра на смартфоны. Мы все имели маленькие запасы, как суслики. Запчасти. Канистра бензина, мешок сахара. Мешок муки. Вот и колёса пригодились от старой машины. А может, мы вообще были другие? И до нас были другие, не такие, как мы, совсем без телефонов. Сегодня ехал на велосипеде по старому селу, куда мы ездим в целях разминки, и смотрел на резные наличники над окнами в каждом старом доме. Все с разным орнаментом. Зачем их вырезали, устанавливали? Они ничего не означают.

Фото 2

Фото 3

Вот в Китае на гребне крыши устанавливались фигурки дракончиков. Назывались чивень. Похожи на сидящих в колонну по одному собачек. У меня такой военный стиль изложения. Напишешь «в ряд», так непонятно: в шеренгу или колонну. Чем больше их – тем важнее положение хозяина

дома. У императора их девять.

Фото 4

А вот наличники просто для красоты. Для души. Как нам понять их душу и объяснить? Это другой народ, с другим блеском в глазах, с другими мыслями? Может, мода такая была? Как вышивание крестиком.

А те, кто после нас, разве не другие? Дамы с губами, надутыми, как две велосипедные шины. Которые слово «всё» произносят этими губами как «фё». С татуировками на шее

и по всему телу, как неряшливые ученики, запачканные чернилами, вылившимися из «невыливайки». Бежит футболист, весь в рисунках, как стена в старом сортире, чем больше татуировок – тем артистичней падает и корчится от боли. И хуже играет. Они считают, что живопись на теле и силиконовые излишества – это красиво, как наличники над окнами? Или своих по статусу определяют, как китайцы по количеству дракончиков? А началось всё с пейджеров. А теперь всё там, за экраном компьютера, смартфона. Память, большая часть знаний, досуг и развлечения. Фото любимой. Свет отключат – считай, полголовы снесло. Ту, где знания, опыт, память. Несёт нас, людей, куда-то по океану, без курса, маяков и портов. Надеюсь, не разобьёмся о скалы. Мобильники без нас не проживут. А мы без них?

2020 г.

Примечания:

Фото 1.

Источник: <https://nomeru.ru/zhurnal-sovetskaya-zhenshhina-arhiv-nomerov>